

**Хрестоматійні матеріали
з навчальної дисципліни
«Соціологія»
для студентів спеціальності
«Агрономія»**

укладач:

**доцент кафедри філософії і соціології
Кучера І. В.**

П.А. СОРОКИН

ГРАНИЦЫ И ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИИ.

[Определить область социологии как и любой науки - это значит выделить тот разряд фактов, который является объектом её изучения или, иными словами, установить особую точку зрения на ряд явлений, отличную от точек зрения других наук.

Как бы разнообразны ни были те определения, посредством которых социологи характеризуют сущность социального или надорганического явления, - все они имеют нечто общее, а именно, что социальное явление - объект социологии - есть прежде всего взаимодействие тех или иных центров или взаимодействие, обладающее специфическими признаками. Принцип взаимодействия лежит в основе всех этих определений, все они в этом пункте согласны и различия наступают уже в дальнейшем - в определении характера и форм этого взаимодействия.

Наиболее популярное и распространённое определение социологии, как науки об организации и эволюции общества по самому своему характеру уже предполагает категорию взаимодействия, ибо общество немислимо вне взаимодействия составляющих его единиц.

Вне взаимодействия нет и не может быть никакого агрегата, ассоциации и общества и, вообще, социального явления, так как там не было бы никаких отношений...

Раз утверждаемся, что взаимодействие тех или иных единиц составляет сущность социального явления, а тем самым объект социологии, то для полного уяснения, этого понятия требуется ещё ответ, по меньшей мере, на следующие вопросы:

1. Для того чтобы процесс взаимодействия можно было считать социальным явлением, между кем или чем должно происходить это взаимодействие? Каковы единицы или центры этого взаимодействия? Иначе говоря, каковы специфические свойства социального взаимодействия, позволяющие считать его особым разрядом явлений?

2. Если так или иначе решен этот вопрос, то спрашивается дальше, безразлична или нет длительность этого взаимодействия для понятия социального явления? Предполагается ли, что только в длительном и постоянном взаимодействии можно видеть социальное явление, или же оно возникает при всяком взаимодействии, как бы кратковременно и случайно оно ни было?

Без точных ответов на эти вопросы, в особенности же на первую категорию их,

понятие «взаимодействия» (а тем самым и социального явления) становится пустым звуком и вот почему. Как известно, процесс взаимодействия не есть процесс, специфически свойственный какому-либо определённому разряду явлений, а процесс общемировой, свойственный всем видам энергии и обнаруживающийся хотя бы в виде «закона тяготения» или закона «равенства действия противодействию». Поэтому понятно, что (раз взаимодействие хотят сделать специальным объектом социальной науки, то необходимо указать такие специфические признаки (*differentia specifica*) этого общемирового и, в этом смысле, родового процесса, которые отделяли бы этот вид взаимодействия от остальных его видов и тем самым конституировали бы социальное явление как особый вид мирового бытия, а поэтому и как объект особой науки..

II

Социология есть наука, изучающая наиболее общие свойства психического взаимодействия тех или иных единиц, в их структурной организации и в их временной эволюции.

1) Это положение основывается прежде всего на том принципе, что там, где дано несколько видов одного и того же рода, там должна быть дана и наука, изучающая общеродовые свойства данного разряда явлений. Здесь вполне применима теорема Л.И. Петражицкого, гласящая: «Если есть n видов сродных предметов, то теоретических наук, вообще теорий, должно быть $n+1$ ». Растения и животные - это два вида, принадлежащие к общему роду организмов; наряду с их специфическими свойствами они имеют общие свойства. Изучение этих общих свойств и составляет задачу общей биологии. То же приложимо и к социальным явлениям.

Различные явления социальной жизни, будучи правильно подразделены и классифицированы, образуют собою виды общеродового психического взаимодействия и, как таковые, должны обладать и известными общими свойствами, изучение которых и является первой задачей общей социологии,

2) Далее нет надобности доказывать, что социология как наука индуктивная неразрывна от частных наук, анализирующих мельчайшие факты социального взаимодействия, и только от них и через них она получает данные для формулировки своих обобщений и в этом смысле она может быть названа *corpus*'ом социальных наук.

Что такая наука действительно необходима, это вытекает из следующего. Различные разряды социальных явлений, изучаемые отдельными науками, например, экономика, религия, этика, эстетика и т.д., в действительной жизни не отделены друг от друга, а неразрывно связаны и постоянно влияют одни на других «Заработная плата рабочих, например, зависит не только от отношений между спросом и предложением, но и от известных моральных идей. Она падает и подымается в зависимости от наших представлений о минимуме благополучия, которое может требовать для себя человеческое существо, т.е. в конце концов от наших представлений о человеческой личности»...

Поэтому, если экономист ограничился бы только экономическими явлениями, игнорируя не экономические, то вместо законов, формулирующих действительные отношения экономических явлений, он дал бы лишь воображаемые законы, не способные совершенно объяснить подлинные экономические процессы. А раз это так, то ему волей-неволей приходится быть уже не только специалистом-экономистом, но и социологом, координирующим отношения основных форм социальной жизни. То же *mutatis mutandis* применимо и ко всякой специальности. Сознательное и планомерное установление и формулировка этих отношений между различными разрядами социальных явлений составляют вторую задачу социологии.

3) Мало того, уже само выделение определённой стороны социального бытия, например, религиозной, в качестве особого объекта, из общего комплекса социальных явлений предполагает наличие общего понятия социальных явлений, их основную классификацию, черты сходства и различия между членами этой классификации с выделяемым членом (например, религией) и т.д. Без этих логических предпосылок невозможно само выделение, определение и изучение отдельного вида психологического взаимодействия. Ибо в противном случае получится не научная разработка определённого разряда фактов, а бессистемное изучение случайного скопления различных явлений. Значит, уже каждый специалист есть всегда и социолог и должен им быть. И если социологии бросают упрек в дилетантизме ввиду того, что невозможно-де охватить все стороны социального психологического бытия, то тот же упрек с тем же правом можно бросить и каждому специалисту, ибо и специалист явно или тайно неизбежно должен быть социологом. Различие здесь будет лишь в том, что в первом случае, т.е. когда специалист не учитывает этого факта, его

«социология» в большинстве случаев будет плохой социологией ввиду не критического отношения его к общей сфере социальных явлений, а потому неизбежно будут или «хромым» или «прыгающим» и само определение объекта его науки и все построения, касающиеся этого объекта...

4) Вообще же говоря, положение социологии по отношению к частным дисциплинам буквально то же самое, что положение общей биологии по отношению к анатомии, физиологии, морфологии, эмбриологии, патологии растений и животных; положение физики - к акустике, электрологии, учению о тяжести, теплоте и т.д.; положение химии по отношению к неорганической, органической химии и т.д. По этому тот, кто вздумал бы говорить, что социологии как единой науки нет и не может быть, а есть только социальные науки, тот должен был бы доказать, что нет физики - как единой науки, нет химии и биологии, так же как единых наук, а есть только акустика, электрология, учение о тяжести, учение о свете, теплоте и т.д.

5) Наконец, вместо того чтобы спорить «быть или не быть социологии», следует обратиться к фактам и спросить себя: сделала ли социология хоть что-нибудь научно-продуктивное за своё недолгое существование, что фактически давало бы ей право на самобытие? Стоит так поставить вопрос и ответ получится довольно определённый: принципы социальной дифференциации и её основные законы, закон постепенного роста солидарных кругов и расширения идеи «ближнего», закон ускоряющегося темпа социального прогресса, закон социальной инерции Die Treue («закон запаздывания»), законы «социальной непрерывности и социальной наследственности», законы, определяющие влияние числа на характер группы и т.д. и т.п. - все эти, как и множество других более или менее точных теорем, были выдвинуты и разрешены социологами. В настоящее время они стали основами почти любого сколько-нибудь значительного социального исследования. Стоит далее вспомнить ту весьма продуктивную трансформацию, которую испытали и испытывают отдельные дисциплины при социологической трактовке вопроса.

Социология в России XIX-начала XX веков. Тексты / Под ред. В.И. Добренькова. - М., 1997. -С. 55-57; 77-80.

Смелзер Н. Социология / Н. Смелзер. – М., 1994. – С.18-20.

«Соціологічні підходи.

Соціологія використовує п'ять головних підходів при вивченні й поясненні різних фактів.

1. Перший підхід **демографічний**. Слово «демографія» походить від грецького слова «демос», яке означає «народ» («демократія» - від того самого кореня). Демографія – вивчення населення, особливо народжуваності, смертності, міграції та пов'язаної з цим діяльності людей...

2. Другий підхід **психологічний**. Він пояснює поведінку з точки її значимості для людей як особистостей. Вивчаються мотиви, думки, навички, соціальні установки, уявлення людини про саму себе. Цей підхід характерний для психології, але він також утвердився й у соціології...

3. **Колективістський** підхід застосовується, коли ми вивчаємо двох або більше людей, які утворюють групу або організацію. Коли соціологи вивчають такі первинні групи, як сім'я, такі формальні організації, як армія або компанія «Дженерал моторс», вони вважають їх колективами індивідів...

Цей підхід можна також застосовувати при вивченні груп, бюрократичних організацій та різного роду спільнот. За його допомоги соціологи можуть аналізувати конкуренцію між політичними партіями, конфлікти на расовому ґрунті, суперництво між групами. Він також допомагає зрозуміти, яким чином люди, що належать до одного суспільного класу, раси або пов'язані однаковою етнічною походженням, віком, статтю, утворюють групи з метою захисту своїх інтересів. Крім того, цей підхід важливий при вивченні колективної поведінки, наприклад, дій натовпу, реакції аудиторії, а також таких громадських рухів, як боротьба за громадянські права та фемінізм...

4. Четвертий підхід виявляє **взаємовідносини**. Суспільне життя розглядається не через певних людей, що беруть у ньому участь, а через їх взаємодію один з одним, зумовлену їхніми ролями...

У нашому суспільстві існують сотні ролей: політик, виборець, господар, службовець, ділова людина, споживач, поліцейський та ін. Поведінка людей певною мірою формується на підставі цих ролей не тільки у закоханих або на сімейному

рівні, але й у царині таких головних соціальних інституцій, як, наприклад, освіта та релігія...

5. П'ятий, останній підхід **культурологічний**. Він застосовується при аналізі поведінки на підставі таких елементів культури, як суспільні правила (дійсні або такі, що маються на увазі) та суспільні цінності (які випливають з релігійних, політичних і соціальних інтересів). При культурологічному підході правила поведінки, або норми, розглядаються як чинники, що регулюють вчинки окремих людей та дії груп. Наприклад, відповідно до кримінального кодексу вбивство, зґвалтування або пограбування іншої людини вважаються неприйнятними й караними. Існують також норми, які маються на увазі, наприклад: не дивись очі в очі; не вказуй пальцем на людей; не їж з відкритим ротом; принось дарунок, якщо приходиш на день народження, та ін.

Ідеї, що визначають, які суспільні цілі є бажаними, входять до іншого аспекту культури. Ці ідеї, поняття, які називаються цінностями, слугують обґрунтуванням соціальних норм. Наприклад, у суспільстві, в якому людське життя цінують дуже високо, є всталені норми, що засуджують вбивство й заподіювання шкоди іншим людям» [с. 18 - 20].

Гидденс Э. Социология / Э. Гидденс // Социологические исследования. – 1994. – № 2. – С. 130-133.

“Соціологія не є однією з дисциплін, пропонованих у подарунковій упаковці, відкривши яку одразу ж дійдеш сутності предмета. Подібно до всіх суспільних наук, а до них також можна віднести, в першу чергу, антропологію, економіку та історію, зміст соціології має внутрішньо суперечливий характер. Іншими словами, соціологія характеризується постійними розбіжностями стосовно самої її природи. Проте це не слабкість соціології, хоча багато хто з тих, хто вважає себе професійними «соціологами», саме так і гадає. Так само, як багато які несоціологи спантеличені тим, що існує безліч конкуруючих концепцій стосовно того, як треба підходити до предмета соціології й тлумачити його. Багато хто з тих, хто прикро

вражений постійними розбіжностями між соціологами та частою відсутністю єдності думок стосовно способів розв'язання цих розбіжностей, звичайно вважає, що такою є ознака незрілості науки. Вони хотіли б, щоб соціологія була аналогічна одній з природничих наук, щоб вона виробила апарат універсальних законів, подібно до тих, які відкриваються й підтверджуються природничими науками. Я висуваю точку зору, згідно з якою соціологія не повинна точно копіювати природничі науки. Понад те, «природнича наука» про суспільство практично неможлива. Під цим я не маю на увазі, що методи й завдання природничих наук зовсім не застосовні для вивчення соціальної поведінки людей. Предметом соціології є об'єктивно спостережувані факти, соціологія спирається на емпіричні дослідження й має на меті формулювати теорії й робити узагальнення на підставі емпірично отриманих фактів. Разом з тим люди та матеріальні об'єкти в природі – не одне й те саме. Вивчення людьми своєї власної соціальної поведінки радикально відрізняється від вивчення природних явищ» [с. 130].

«Можна запропонувати таке визначення соціології. **Соціологія – суспільна наука, предметом вивчення якої є соціальні інституції, що виникли у результаті промислових перетворень за останні 200-300 років.** Між соціологією та іншими суспільними науками не існують і не можуть існувати жорстко встановлені бар'єри. Шерег питань соціальної теорії, які стосуються проблем концептуалізації людської поведінки в суспільстві та соціальних інституцій, є спільним предметом вивчення для всіх суспільних наук. Різні «царини» людської поведінки, досліджувані різними суспільними науками, являють собою «інтелектуальний» поділ праці, існування якого вельми умовне. Так, антропологія, приміром, вивчає здебільшого «більш примітивні форми суспільства», а саме: племінні, кланові, аграрні. Проте під впливом найдоглибніших соціальних змін, яких зазнало людство, такі форми соціальної організації або повністю зникли, або перебувають у процесі адаптації до умов сучасних промислових держав. Предметом економіки є виробництво й розподіл матеріальних благ. Проте економічні інституції завжди тісно пов'язані з іншими соціальними інституціями. Останні справляють на економічні інституції певний вплив і самі улягають впливові економічних

інституцій. Нарешті, історія як наука, що вивчає події дедалі віддаленішого минулого, є джерелом даних для всього комплексу суспільних наук» [с. 133].

О. КОНТ ЗАКОН ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА, ИЛИ ЗАКОН ТРЕХ СТАДИЙ

2. Согласно моей основной доктрине все наши умозрения, как индивидуальные, так и родовые, должны "неизбежно пройти, последовательно, через три различные теоретические стадии, которые смогут быть здесь достаточно определены обыкновенными наименованиями - теологическая, метафизическая и научная, - по крайней мере, для тех, которые хорошо поймут их истинный общий смысл.

Первая стадия, хотя сначала необходимая во всех отношениях, должна отныне всегда рассматриваться как чисто предварительная; вторая представляет собой в действительности только" видоизменение разрушительного характера, имеющее лишь временное назначение - постепенно привести к третьей; именно на этой последней, единственно вполне нормальной стадии, строй человеческого мышления является в полном смысле окончательным.

I Теологическая, или фиктивная стадия

3. В их первоначальном проявлении, неминуемо теологическом, все наши умозрения сами собой выражают характерное предпочтение наиболее неразрешимым вопросам, наиболее недоступным всякому исчерпывающему исследованию предметам.

В силу контраста, который в наше время должен с первого взгляда казаться необъяснимым, но который, в действительности, был тогда в полной гармонии с истинно младенческим состоянием нашего ума, человеческий разум в то время, когда он еще не способен разрешать простейшие научные проблемы, жадно и почти исключительно ищет начала всех вещей, стремится найти либо начальные, либо конечные основные причины различных поражающих его явлений и основной способ их возникновения, - словом, стремится к абсолютному знанию...

4. Наиболее непосредственным и наиболее резко выраженным фазисом является собственно фетишизм, заключающийся преимущественно в том, что всем внешним телам

приписывается жизнь, существенно аналогичная нашей, но почти всегда более энергичная, вследствие их обыкновенно более сильного действия. Поклонение небесным светилам характеризует наиболее возвышенную ступень этой первой теологической стадии, вначале едва отличающейся от умственного состояния, на котором останавливаются высшие породы животных...

5. В своем втором основном фазисе, теологическое мышление, отливаясь в настоящий политеизм, очень часто смешиваемый современными народами с предыдущей стадией, - ясно представляет свободное умозрительное преобладание воображения между тем, как раньше инстинкт и чувства имели перевес в человеческих теориях. Первоначальная философия в этом состоянии подвергается наиболее глубокому преобразованию, какому доступна совокупность ее реального назначения - преобразованию, выражающемуся в том, что материальные предметы, наконец, лишаются навязанной им жизни, мистически переносимой на различные вымышленные, обыкновенно невидимые существа, непрерывно активное вмешательство которых становится отныне прямым источником всех внешних, а затем даже и человеческих явлений...

6. В третьем, теологическом, фазисе монотеизм в собственном смысле слова является началом неизбежного упадка первоначальной философии, которая, вполне сохраняя за собой в течение долгого времени большое социальное влияние, хотя более кажущееся, чем действительное, - претерпевает отныне быстрое уменьшение ее интеллектуального значения, в силу естественного следствия, само собою вытекающего из характерного упрощения, благодаря которому разум начинает все более и более сокращать прежнее господство воображения, давая постепенно развиваться до тех пор почти незаметному всеобщему чувству, говорящему о необходимом подчинении всех явлений неизменным законам...

II Метафизическая, или абстрактная стадия

9. ...Метафизика пытается, как и теология, объяснить внутреннюю природу существ, начало и назначение всех вещей, основной способ образования всех явлений, но вместо того, чтобы прибегать к помощи сверхъестественных факторов, она их все более и более заменяет сущностями (entites) или олицетворенными абстракциями, истинно характерное для нее употребление которых позволяло часто называть ее именем онтологии...

Историческое значение этих сущностей прямо вытекает из их двусмысленного характера: ибо в каждом из этих метафизических существ, присущих соответствующему телу и в то же время не смешивающихся с ними, ум может по желанию - и в зависимости от того, находится ли он ближе к теологическому или к позитивному состоянию, - видеть либо действительную эманацию сверхъестественной силы, либо просто отвлеченное наименование рассматриваемого явления. Господствующее вложение чистой фантазии тогда прекращается, но и истинное наблюдение не является еще преобладающим, только мысль приобретает большую остроту и незаметно подготавливается к метафизической стадии; умозрительная часть оказывается сначала чрезвычайно преувеличенной вследствие упорного стремления аргументировать вместо того, чтобы наблюдать, - стремление, которое во всех областях обыкновенно характеризует метафизический образ мышления даже у его наиболее знаменитых выразителей. Гибкий порядок концепций, который никоим образом не терпит постоянства, столь долго свойственного теологической системе, должен (к тому же, очень скоро) достигнуть соответственного единства путем постепенного подчинения различных частных сущностей единой общей сущности -природе, предназначение которой заключается в том, чтобы представлять собою слабый метафизический эквивалент смутной универсальной связи, вытекающей из монотеизма.

10. Чтобы лучше понять, в особенности в наше время, историческую силу такого философского орудия, важно признать, что по своей природе оно само по себе способно лишь проявлять критическую или разрушительную деятельность даже в области теории и, в еще большей степени, в области социальных вопросов, не будучи никогда в состоянии создать что-либо положительное, исключительно свойственное ему...

Метафизика, таким образом, является в сущности не чем иным, как видом теологии, ослабленной разрушительными упрощениями, самопроизвольно лишаящими ее непосредственной власти помешать развитию специально позитивных концепций. Но, с другой стороны, благодаря этим же разрушительным упрощениям, она приобретает временную способность поддерживать деятельность обобщающего ума, пока он, наконец, не получит возможность питаться лучшей пищей. В силу своего противоречивого характера метафизический или онтологический образ мышления оказывается всегда перед неизбежной альтернативой: либо стремиться в интересах порядка к тщетному восстановлению

теологического состояния, либо, дабы избежать угнетающей власти теологии, толкать общество к чисто отрицательному положению...

III Положительная, или реальная стадия

1. Основной признак: закон постоянного подчинения воображения наблюдению

12. Эта длинная цепь необходимых фазисов приводит, наконец, наш постепенно освобождающийся ум к его окончательному состоянию рациональной положительности... Наш ум отныне отказывается от абсолютных исследований, уместных только в его младенческом состоянии, и сосредоточивает свои усилия в области действительного наблюдения, принимающей с этого момента все более и более широкие размеры и являющейся единственно возможным основанием доступных нам знаний, разумно приспособленных к нашим реальным потребностям.

Умозрительная логика до сих пор представляла собой искусство более или менее ловко рассуждать согласно смутным принципам, которые, будучи недоступными сколько нибудь удовлетворительному доказательству, возбуждали постоянно бесконечные споры. Отныне она признает как основное правило, что всякое предложение, которое недоступно точному превращению в простое изъяснение частного или общего факта, не может представлять никакого реального и понятного смысла... Одним словом, основной переворот, характеризующий состояние возмужалости нашего ума, по существу, заключается в повсеместной замене недоступного определения причин в собственном смысле слова простым исследованием законов, т.е. постоянных отношений, существующих между наблюдаемыми явлениями. О чем бы ни шла речь, о малейших или важнейших следствиях, о столкновении и тяготении, или о мышлении и нравственности, - мы можем действительно знать только различные взаимные связи, свойственные их проявлению, не будучи никогда в состоянии проникнуть в тайну их образования.

2. Относительный характер положительной философии

13. Не только наши положительные исследования во всех областях должны по существу ограничиваться систематической оценкой . того, что есть, отказываясь открывать первопричину и конечное назначение, но кроме того, важно понять, что это изучение явлений

вместо того, чтобы стать когда-либо абсолютным, должно всегда оставаться относительным в зависимости от нашей организации и нашего положения...

14. Чтобы достаточно охарактеризовать эту по необходимости относительную природу всех наших реальных знаний, важно, сверх того, заметить с наиболее философской точки зрения, что, если какие-либо наши концепции должны сами рассматриваться как человеческие феномены, и в особенности, социальные, то они, на самом деле, обусловлены коллективной и непрерывной эволюцией, все элементы и фазисы которой по существу своему примыкают друг к другу. Если же, с одной стороны, признается, что наши умозрения должны всегда находиться в зависимости от различных основных условий нашего личного существования, то нужно равным образом допустить, с другой, - что они не "менее подчинены совокупности непрерывного хода социальных идей, так что никогда не могут оставаться в предложенном метафизиками состоянии совершенной неподвижности. Но так как общий закон основного движения человечества, в данном отношении, заключается в том, что наши теории стремятся представить все более и более точно внешние предметы наших постоянных исследований, будучи, однако, лишены возможности вполне оценить истинное строение каждого из них, - научное усовершенствование должно поэтому ограничиваться стремлением приблизиться к этому идеальному пределу постольку, поскольку этого требуют наши различные реальные потребности...

3. Назначение положительных законов: рациональное предвидение

15. После того, как постоянное подчинение воображения наблюдению было единодушно признано как первое основное условие всякого здорового научного умозрения, неправильное толкование часто приводило к тому, что стали слишком злоупотреблять этим великим логическим принципом, превращая реальную науку в своего рода бесплодное накопление несогласованных фактов, присущее которому достоинство могло бы состоять только в его частичной точности. Важно, таким образом, хорошо понять, что истинный положительный дух, в основе, не менее далек от эмпиризма, чем от мистицизма; именно между двумя одинаково гибельными ложными путями он должен всегда прокладывать себе дорогу; потребность в такой постоянной осторожности, столь же трудной, как и важной, сверх того, достаточна для подтверждения, сообразно с нашими первоначальными

объяснениями того, насколько истинная положительность должна быть зрело подготовлена так, чтобы она не имела никакого сходства с первобытным состоянием человечества.

Именно в законах явлений действительно заключается наука, для которой факты в собственном смысле слова, как бы точны и многочисленны они ни были, являются всегда только необходимым сырым материалом.

Рассматривая же постоянное назначение этих законов, можно сказать без всякого преувеличения, что истинная наука, далеко не способная образоваться из простых наблюдений, стремится всегда избегать по возможности непосредственного исследования, заменяя последнее рациональным предвидением, составляющим во всех отношениях главную характерную черту положительной философии (совокупность астрономических знаний дает нам ясно понять это). Такое предвидение, необходимо вытекающее из постоянных отношений, открытых между явлениями, не позволит никогда смешивать реальную науку с той бесполезной эрудицией, которая механически накапливает факты, не стремясь выводить одни из других.

Это важное свойство всех наших ясных умозрений не менее касается их действительной полезности, чем их собственного достоинства, ибо прямое исследование совершившихся явлений, не давая нам возможности их предвидеть, не могло бы нам позволить изменять их ход. Таким образом, истинное положительное мышление заключается преимущественно в способности видеть, чтобы предвидеть, изучать то, что есть, и отсюда заключать о том, что должно произойти согласно общему положению о неизменности естественных законов.

Западно-европейская социология XIX века: Тексты / Под ред. В.И. Добренькова. -М., 1996. -С. 7-20.

Г. СПЕНСЕР НАВЕДЕНИЯ СОЦИОЛОГИИ

I. Что такое общество?

§ 212. Общество есть некоторая сущность (entity), ибо хотя оно и образовано из разъединенных единиц, однако на известную конкретность агрегата этих единиц указывает

общая неизменность их, группировки в занимаемой ими площади.

§ 213. Так как свойства общества сходны со свойствами живого тела, то нужно рассмотреть основания, позволяющие утверждать, что постоянные отношения между частями общества аналогичны постоянным отношениям между частями живого тела.

II. Общество как организм

§ 214. Первая черта, позволяющая смотреть на общество как на организм, это - его непрерывный рост.

§ 215. По мере того как общество растет, его части становятся несходными между собою: оно обнаруживает усложнение строения.

§ 216. Это сходство будет понято еще лучше, когда мы заметим, что одновременно с прогрессивной дифференциацией социальных строений совершается и прогрессивная дифференциация социальных отправлений.

§ 217. Отправления являются не просто несходными, но так скомбинированными в своем несходстве, что делают друг друга возможными. Эта взаимная помощь приводит ко взаимной зависимости частей. И эти взаимозависимые части, живущие друг другом и друг для друга, образуют агрегат, устроенный на основании того же общего принципа, что и индивидуальный организм. Относительно «физиологического разделения труда» социальный организм и организм индивидуальный совершенно одинаковы...

§ 219. Отношение между жизнями единиц и жизнью агрегата имеет еще одну черту, общую для обоих рассматриваемых нами предметов. Вследствие какой-нибудь катастрофы жизнь агрегата может быть разрушена, без немедленного уничтожения жизни всех его составных единиц; с другой стороны, если никакая катастрофа не сокращает жизни агрегата, то эта жизнь бывает гораздо более продолжительной, чем жизнь составных единиц. Жизнь целого совершенно непохожа на жизнь единиц, хотя она и образуется ими ...

§ 220. От этих сходств между социальным организмом и организмом индивидуальным мы должны перейти к крайним несходствам между ними. Части животного образуют конкретное целое а части общества образуют целое, не обладающее конкретностью (дискретное). В то время как живые единицы, составляющие один организм, тесно соединены между собой и соприкасаются друг с другом, живые единицы, образующие другой организм,

свободны, не соприкасаются друг с другом" и более или менее широко рассеяны.

§ 221. Как же может существовать здесь какой-нибудь параллелизм? Социальный агрегат, хоть и не конкретный, а дискретный, все-таки становится живым целым при помощи эмоционального и интеллектуального языка, при помощи этого агента и устанавливается та взаимная зависимость частей, которая образует организацию.

§ 222. Теперь мы пришли к основному различию между этими двумя родами организмов. В одном сознание сконцентрировано в небольшой части агрегата. В другом оно распространено по всему агрегату: все единицы этого агрегата обладают приблизительно равной способностью ощущать счастье и несчастье. Так как социального сенсориума ума не существует, то благосостояние агрегата, рассматриваемое отдельно от благосостояния единицы, не может сделаться такой целью, к которой следует стремиться...

III. Рост Общества

§ 224. Общества, подобно живым телам, начинаются в формах зародышей, они берут начало из таких масс, величина которых совершенно ничтожна сравнительно с теми массами, до которых некоторые из них доходят.

§ 225. Величина, которой достигают агрегаты различных классов, бывает крайне разнообразна. В животном царстве мы замечаем это, рассматривая Простейших и Позвоночных, а среди обществ - наблюдая Лесных Веддахов, живущих иногда только парами, и те высшие общества, в состав которых входят миллионы людей.

§ 226. Затем в обоих случаях величина агрегата возрастает при помощи двух процессов, которые совершаются то вместе, то порознь. Возрастание происходит то путем простого размножения единиц, приводящего к расширению группы, то путем соединения групп в большие группы, а затем - соединения этих больших групп в еще большие группы... Первобытная общественная группа, подобно той первоначальной группе живых молекул, с которой начинается органическая эволюция, никогда не достигает сколько-нибудь значительной величины путем простого возрастания. Образование более обширных обществ происходит только путем соединения более мелких обществ; мы можем наблюдать, как этот процесс совершается еще и теперь среди нецивилизованных рас, а прежде совершался у предков цивилизованных рас. Повторение подобного процесса на более высокой ступени

приводит к соединению вторичных агрегатов и образованию третичных.

§ 227, Существует еще одна аналогия. Общественный рост обнаруживает основную черту эволюции с двух ее сторон: интеграция проявляется и образованием большей массы, и увеличением связности этой массы вследствие сближения частей.

IV. Социальные Строения

§ 228. У обществ, как и у живых существ, возрастание массы обыкновенно сопровождается возрастанием строения. По мере того как мы переходим от малых групп к большим группам, от простых групп к группам сложным, а от сложных групп к группам двойной сложности, несходство частей возрастает. Социальные агрегаты, однородные, пока они малы, обыкновенно приобретают разнообразность по мере возрастания величины: чтобы достигнуть большого размера, нужна большая сложность,

§ 229. Кроме несходства частей, вызванного развитием координирующих воздействий, вскоре возникает несходство и между координируемыми элементами: органами питания и т. п. в одном случае и промышленными учреждениями - в другом.

§ 230. Дифференциация в обоих случаях совершается от более общего к более частному. Сначала обнаруживаются широкие и простые различия частей; затем в каждой части, имеющей первичные отличия, возникают перемены, благодаря которым развивается несходство отдельных ее частей; затем в этих новых несходных частях возникают меньшие несходства и т. д. Превращение однородного в разнородное особенно характерно для эволюции индивидуальных и социальных организмов.

§ 231. Внутреннее устройство органов у животных и органов у обществ основано на одном и том же принципе. Всякий внутренностный орган обладает аппаратами для доставки ему пищи, для удаления продуктов и для регулирования его деятельности. И группа граждан, образующая орган, который производит некоторую полезность для общественного пользования, обладает известными вспомогательными аппаратами, по существу сходными с аппаратами всякого другого органа, выполняющего всякую другую функцию.

§ 232. Нужно указать еще на одну аналогию в строении. У животных низших типов

вовсе не существует органов в строгом смысле этого слова, но имеется просто известное число единиц, еще не соединенных в орган. Эта стадия аналогична той зачаточной форме промышленного строения в обществе, когда каждый работник занимается своим делом один и сам доставляет продукт потребителям. Переходя к индивидуальным органам второго рода, состоящим из тесно сплоченной группы клеточек, мы видим, что существуют общественные группы, представляющие большое сходство с ними, а именно те семьи, которые в прежнее время монополизировали каждый вид промышленности и образовывали группы, обыкновенно работавшие в одной и той же местности. На третьей стадии тому возрастанию железистого органа, которое вызывается более деятельными отправлениями более развитого животного, причем происходит и структурное изменение, следующее за возрастанием объема, соответствует постепенный переход от домашнего способа производства к фабричному способу...

V-VII. Система Питания

§ 241. Части, заведывающие питанием в живом теле, и части, выполняющие производительные деятельности в общественном организме, образуют в обоих случаях систему питания. В пищеварительной системе животного посторонние вещества, которые служат для питания и над которыми оперируют внутренние части, определяют как в общем, так и в частном строение этих внутренних частей. То же происходит и с промышленной системой общества: ее деятельность и строение определяются теми минералами, животными и растениями, с которыми имеют дело рабочие элементы, а ее промышленные специализации определяются различием местных продуктов, имеющих в распоряжении этих элементов.

§ 242. Существует еще одна общая черта. Органы питания дифференцируются и развиваются совершенно иным способом, чем регулирующие органы. Подобно тому, как пищеварительные органы у высших Суставчатых совершенно теряют свою первоначальную связь с сегментами, так и промышленные строения, возникающие в большом обществе, образованном путем прочного соединения более мелких обществ, распространяются без всякого соответствия с политическими подразделениями, как большими, так и малыми.

§ 243. Таким образом, в то время как окружающие материалы определяют промышленные дифференциации, они не определяют регулятивных или правительственных

строений; значение этой антитезы будет выяснено, после того как будет изложена эволюция этих регулятивных строений.

VIII. Распределительная Система

§ 244. Нам нужно рассмотреть параллелизм между индивидуальной и социальной распределительными системами в их последовательных стадиях развития.

§ 245. В обоих случаях, пока не существует вовсе или существует весьма незначительная дифференциация частей, до тех пор не существует вовсе или существует весьма незначительная потребность в путях сообщения между отдельными частями; нет также надобности в приспособлениях для передачи и тогда, когда несходные части находятся в тесном соприкосновении. Но когда разделение труда физиологического или социологического зашло так далеко, что части кооперируют на известном расстоянии друг от друга, тогда становятся необходимыми развитие путей сообщения (сосудистой системы у значительно развитых животных; дорог обыкновенных и железных у значительно развитых обществ) и возникновение агентов, занимающихся распределением. И, таким образом, развитие распределительной системы должно совершиться одновременно с развитием других факторов.

§ 246. Подобная же необходимость обуславливает и такой же параллелизм прогресса циркуляции в обоих случаях. Слабые деятельности, небольшие количества обмена и препятствия передвижению - все это приводит к тому, что сначала возможны только медленные и неправильные приливы и отливы то в том, то в другом месте. Но при общем возрастании жизни возрастает также потребность и в обильных распределениях по постоянным направлениям. Поэтому возникновение постоянных и сильных местных потребностей приводит к тому, что неправильные, медленные и слабые движения, совершаемые после значительных интервалов, заменяются правильными, быстрыми ритмами.

§ 247. С переходом агрегата, индивидуального или социального, к большей разнородности совершается и увеличение разнородности циркулирующих токов, которые первоначально содержат небольшое количество простых веществ, а под конец - много сложных веществ. У обоих агрегатов строения, которые вырабатывают вещества,

требующиеся для поддержания жизни, одинаковым образом относятся к этим токам: берут из них сырые материалы, подлежащие обработке, и, прямо или косвенно, вливают в них свои продукты; затем в обоих случаях строения, соперничающие друг с другом относительно доли, достающейся каждому из общего запаса циркулирующего вещества, могут усваивать, восстанавливаться и возрастать пропорционально величине своих отправлений.

§ 248. Конечно, наряду с этими сходствами существуют и различия, обусловленные контрастом между конкретностью индивидуального организма и дискретностью организма социального. Эти различия только ограничивают существенные сходства. Истина, которую мы должны усвоить, заключается в том, что развитие распределительной системы обоих организмов определяется потребностями передвижения между взаимно зависимыми частями. Находясь между двумя первоначальными системами, она приобретает строение, приспособленное к выполнению посреднической деятельности между этими системами как целыми и между подразделениями каждой системы.

IX. Регулятивная Система

§ 249. Теперь нам нужно рассмотреть, насколько эволюция строений, выполняющих внешние действия, определяется окружающей средой. Как развились правящие и тратящие системы: нервно-двигательная в одном случае и правительственно-военная - в другом?

§ 250. Постепенные улучшения органов чувств и движения и заведующего ими внутреннего координирующего аппарата явились косвенными результатами антагонизма и соперничества организмов друг с другом. Повсюду также войны между обществами порождают правительственные строения и являются причинами всех тех улучшений в этих аппаратах, которые увеличивают силу совместного действия против окружающих обществ. Индуктивный вывод, который мы должны помнить, состоит в том, что, подобно тому как у индивидуального организма нервно-мускульный аппарат, деятельность которого проявляется в борьбе с окружающими организмами, зарождается с этой борьбой и развивается ею, так и правительственно-военная организация общества возникает и развивается вследствие войн между обществами. Или, говоря точнее, подобным образом развивается та часть правительственной организации общества, которая обуславливает успешность кооперации против других обществ.

§ 251. Подчинение местных правящих центров общему правящему центру возникает при кооперации составных частей сложного агрегата в его борьбе с другими подобными агрегатами. Пока это подчинение устанавливается путем внутренней борьбы частей друг с другом и поэтому предполагает антагонизм между ними, оно остается неустойчивым; но оно стремится сделаться все более устойчивым, по мере того как регулирующие деятели, большие и малые, приучаются соединять свою деятельность для борьбы с внешними врагами.

§ 252. Это образование сложной регулирующей системы, характеризуемой существованием господствующего центра и центров подчиненных, сопровождается как у индивидуального организма, так и у организма социального возрастанием величины и сложности господствующего центра. У обоих организмов эти высокие центры не являются ни непосредственными воспринимателями сведений, ни непосредственными раздавателями приказаний; они получают от низших деятелей те факты, которые руководят их решениями, и приводят эти решения в исполнение при помощи других низших деятелей. Наконец, в течение эволюции высших регулятивных центров, индивидуальных и социальных, более старые части становятся сравнительно автоматическими.

§ 253. Для координирования деятельностей социального или индивидуального агрегата не только должен существовать правящий центр, но должны существовать еще и средства сообщения, при помощи которых этот центр мог бы влиять на части. Восходящие ступени животной организации ведут нас от типов, у которых это требование едва выполнено, к типам, у которых оно выполнено в совершенстве. Существование аналогичных ступеней социальной эволюции в достаточной мере очевидно. То, что на своей ранней ступени есть медленная передача импульсов от единицы к единице по всему обществу, становится, по мере того как мы подвигаемся вперед, более быстрой передачей вдоль по твердо установленным линиям, благодаря чему быстрые и определенно приспособленные комбинации становятся возможными. При помощи телеграфа социальный организм, будучи дискретным, приобрел быстроту координации, равную скорости координации конкретных организмов или даже превосходящую ее.

§ 254. У организмов обоих родов регулятивная система в течение эволюции делится на две системы, к которым под конец присоединяется третья, отчасти независимая система; в

обоих случаях причины дифференциаций этих систем одинаковы. Легко видеть, что два рода координации, необходимые для индивидуального организма, весьма несходны: координация одного рода заведует внешней группой органов, которая имеет дело с окружающей средой, обуславливающей быстрые движения, внезапные изменения направлений и моментальные остановки; координация другого рода заведует внутренней группой органов, занятой питанием и поддержанием организма, причем не встречается надобности в быстрых, специальных и точных приспособлениях, а нужно только сохранение общей пропорции и некоторого порядка между действиями, которые не поддаются точному определению ни относительно своего начала, ни относительно своего конца, ни относительно своего количества. То же замечаем мы и в социальном организме. Успех в борьбе с другими обществами предполагает быстроту действия, соединенность усилий и специальную приспособленность к вечно меняющимся условиям, а для достижения этих целей нужен центральный агент, которому моментально повинуются. Совсем другое мы видим у строений, занятых поддержанием жизни. Различные роды пищи и одежды должны приспособляться к потреблению, которое изменяется только в весьма тесных пределах; быстрота, специализация и точность здесь не нужны. У обоих организмов возникает еще третья регулятивная система. Чтобы орган мог продолжать отвечать на возрастающий спрос, должен существовать усиленный приток материалов, потребляемых при его деятельности: он должен получить вперед кредит на выполнение своей функции. Эта цель достигается в одном случае с помощью вазомоторной нервной системы, а в другом - с помощью системы банков и финансовых ассоциаций, занимающихся ссудой капиталов.

§ 255. Так как кооперация ни в одном случае невозможна без аппаратов, при помощи которых кооперирующие части приспособляют свои действия, то неизбежно и в политическом, и в живом типе возникает регулятивная система, которая дифференцируется, по мере того как группы органов развиваются.

Х. Общественные Типы и Конституции

§ 256. Общества могут быть распределены прежде всего по степеням их сложения, как простые, сложные, двойной сложности и тройной сложности; затем, хотя и с меньшей определенностью, их можно распределить на такие, у которых первенствует военная

деятельность, и такие, у которых первенствует деятельность промышленная.

§ 257. Классификация первого рода приводит нас к некоторым обобщениям. Мы видим, что действительно существуют общества всех этих различных степеней сложения, что общества, находящиеся на одной и той же ступени, представляют общее сходство строения и что они возникают в известном порядке. Стадии сложения и вторичного сложения должны быть последовательно пройдены. Выше простой группы первой степени стоит сложная группа незначительного объема. Взаимная зависимость частей, делающая из нее единое целое, не может существовать без некоторого развития линий соединения и приспособления для совместного действия, а это должно быть сначала выполнено в узких пределах и затем уже может быть распространено на широкую сферу. Когда сложное общество соединилось вследствие кооперации его составных групп на войне под главенством одного вождя, оно становится практически единым целым. Путем завоевания или военного союза с другими обществами того же порядка могут образоваться общества типа двойной сложности. А на более поздней ступени путем подобных же приемов возникают еще более обширные агрегаты, имеющие еще более сложные строения. В таком порядке шла социальная эволюция, и только подобным образом она, по-видимому возможна.

§ 258. Переходим к классификации второго рода. Хотя почти все общества, подлежащие нашему изучению, имеют переходный характер, однако мы можем ясно отличить конституциональные черты тех противоположных типов, которые характеризуются господством внутренней или внешней регулятивных систем.

§ 259. При военном типе общества армия есть мобилизованный народ, а народ - отдыхающая армия; поэтому здесь армия и народ имеют одинаковое строение. Черта, повсюду характеризующая военное строение, состоит в том, что различные совместные действия единиц совершаются принудительно. Подобно тому как воля солдата настолько подавляется, что он во всех обстоятельствах является простым исполнителем воли своего офицера, так и воля гражданина во всех видах деятельности, как общественной, так и частной, руководится волею правительства. Кооперация, при помощи которой поддерживается жизнь военного общества, есть принудительная кооперация. Социальное строение, приспособленное к борьбе с окружающими враждебными обществами, руководится централизованной регулятивной системой, которой которой вполне подчинены все части,

подобно тому как в индивидуальном организме внешние органы вполне подчинены главному нервному центру.

§ 260. Черты, посредством которых промышленный тип так сильно отличается от типа военного, возникают из отношений между индивидами, которые вытекают из промышленных деятельностей. Все промышленные сделки, будет ли это договор между хозяевами и рабочими, между покупателями и продавцами, между специалистами и теми, кто в них нуждается, - всегда совершаются путем свободного обмена. Это отношение добровольной кооперации, при которой взаимный обмен услугами не имеет принудительного характера и ни один индивид не подчиняется другому, становится господствующим типом отношений во всем обществе, по мере того как промышленные деятельности получают господство. Определяя ежедневно мысли и чувства, оно образует социальные единицы, умственная организация и привычки которых придают общественным устройствам соответствующие формы. Развитая система поддержания жизни, придающая социальному организму промышленный тип, подобно развитой поддерживающей системе животного, приобретает для себя регулирующий аппарат рассеянного, или децентрализованного типа; мало того, она стремится также децентрализовать первичный регулятивный аппарат, принуждая его почерпнуть свою власть путем полномочий от более многочисленных классов.

§ 261. Существенные черты этих двух социальных типов затемняются вследствие разнообразных причин. Такими причинами являются глубоко укоренившийся характер данной расы; влияние непосредственно предшествовавшего образа жизни и социального типа; природа, местопребывание общества; организация и образы действия окружающих обществ и смешение рас, вызванное завоеваниями и другими причинами.

§ 262. К усложнениям, происходящим вследствие взаимного перекрещивания двух вышеуказанных классификаций, нужно прибавить еще усложнения, вызываемые соединением рас, сильно или слабо отличающихся друг от друга, причем в одном месте эти расы вовсе не смешиваются между собой, а в другом - смешиваются только отчасти, а в третьем - вполне смешиваются. Существует достаточное основание заключить, что гибридные общества, по существу неустойчивые, могут быть организованы только путем принудительной кооперации, ибо единицы, сильно отличающиеся друг от друга по своей природе, не могут самопроизвольно сотрудничать. Наоборот, общество, отличающееся

сходством своих единиц, относительно устойчиво и при благоприятных обстоятельствах может развить промышленный тип, особенно если степень сходства его членов не исключает существования легкого несходства.

§ 263. Если бы позволило место, можно было бы посвятить несколько страниц вопросу о возможном будущем типе общества. Это общественный тип, поддерживающая система которого развита более, чем у какого бы то ни было из ныне существующих обществ, и в котором продукты индустрии не будут употребляться ни на поддержание военной организации, ни на исключительное увеличение материального благосостояния, но будут посвящаться на выполнение высших деятельностей...

ХII. Обзор и Ограничения

§ 268. Кто избрет предметом специального изучения аналогию между индивидуальной организацией и организацией общественной, тот может продолжать свое исследование далеко и по различным направлениям. Однако мы оставим это сравнение на том, до чего дошли в предыдущих разделах.

§ 269. Здесь мы еще раз определенно повторим, что между живым телом и телом политическим не существует других аналогий, кроме тех, которые являются необходимым следствием той взаимной зависимости частей, которая присуща им обоим. Хотя в предшествовавших разделах несколько раз проводилось сравнение общественных строений и отправлений со строениями и отправлениями человеческого тела, однако это делалось лишь потому, что строения и отправления человеческого тела являются общеизвестными примерами строений и отправлений вообще. Общность основных принципов организации есть единственная утверждаемая нами общность.

§ 270. Сравнения обществ в их восходящих ступенях обнаружили некоторые основные факты относительно их роста, строений и отправлений - факты касательно систем строений (питающей, распределительной и регулятивной), из которых они составлены; касательно отношений этих строений к окружающим условиям и господствующим формам общественных деятельностей и касательно метаморфоз типов, обуславливаемых переменами в деятельности. Наведения, к которым мы пришли, создавая грубый очерк Эмпирической Социологии, показывают, что среди социальных явлений существует общий порядок

сосуществования и последовательности и что поэтому социальные явления дают материал для науки, способной, по крайней мере до известной степени, достигнуть дедуктивной формы.

§ 271. Множество рассмотренных нами фактов согласно доказывают, что социальная эволюция составляет часть эволюции вообще, ибо здесь существует прогресс по направлению к достижению большего объема, большей связности, большего многообразия и большей определенности...

Спенсер Г. Синтетическая философия. - К., 1997. - С. 287-298.

Э. ДЮРКГЕЙМ

МЕТОД СОЦИОЛОГИИ

Наш метод ... не заключает в себе ничего революционного. В известном смысле он даже консервативен, так как признает, что природа социальных фактов, как бы гибка и податлива она ни была, не может, однако, произвольно подвергаться изменениям. Насколько же опаснее доктрина, видящая в социальных фактах продукт умственных комбинаций, который в один момент может быть разрушен до основания простым диалектическим приемом!

Точно так же, привыкнув представлять себе социальную жизнь как логическое развитие идеальных концепций, сочтут, быть может, грубым тот метод, который ставит общественную эволюцию в зависимость от объективных, пространственно определенных условий, и возможно, что нас признают материалистами. Между тем с большим основанием мы могли бы требовать себе противоположного наименования. Действительно, не заключается ли сущность спиритуализма в той идее, что психические явления не могут быть непосредственно выведены из явлений органических? Наш же метод является отчасти лишь приложением этого принципа к социальным фактам. Так же как спиритуалисты отделяют мир психических явлений от явлений биологических, мы отделяем первые от явлений социальных; как и они, мы отказываемся объяснять наиболее сложное наиболее простым.

Однако, говоря по правде, ни то ни другое название не подходит к нам вполне, и мы принимаем" лишь название «рационализм». Действительно, наше главное намерение состоит в том, чтобы распространить на человеческое поведение научный рационализм, показав, что рассматриваемое в своем прошлом это поведение сводится к отношениям причины и следствия, которые не менее рациональным приемом могут быть затем превращены в правила деятельности для будущего. То, что назвали нашим позитивизмом, есть лишь следствие этого рационализма. Пытаться выйти за пределы фактов с целью объяснить их или управлять ими можно лишь в той мере, в какой их считают иррациональными. Если они вполне понятны, то их достаточно как для науки, так и для практики; для науки - потому что тогда нет основания искать вне их причины их существования; для практики - потому что их полезность является одной из этих причин. Нам представляется, таким образом, что особенно в наше время возрождающегося мистицизма подобное предприятие может и должно быть принято спокойно и даже с симпатией всеми теми, кто, расходясь с нами в известных пунктах, разделяет нашу веру в будущее разума.

Что такое социальный факт?

Прежде чем искать метод, пригодный для изучения социальных фактов, важно узнать, что представляют собой факты, носящие данное название.

Вопрос этот тем более важен, что данный термин обыкновенно применяют не совсем точно.

Им зачастую обозначают почти все происходящие в обществе явления, если только последние представляют какой-либо общий социальный интерес. Но при таком понимании не существует, так сказать, человеческих событий, которые не могли бы быть названы социальными. Каждый индивид пьет, спит, ест, рассуждает, и общество очень заинтересовано в том, чтобы все эти функции отправлялись регулярно.

Если бы все эти факты были социальными, то у социологии не было бы своего собственного предмета и ее область слилась бы с областью биологии и психологии.

Но в действительности во всяком обществе существует определенная группа явлений, отличающихся резко очерченными свойствами от явлений, изучаемых другими естественными науками.

Когда я действую как брат, супруг или гражданин, когда я выполняю заключенные мною обязательства, я исполняю обязанности, установленные вне меня и моих действий правом и обычаями. Даже когда они согласны с моими собственными чувствами и когда я признаю в душе их реальность, последняя остается все-таки объективной, так как я не сам создал их, а усвоил их благодаря воспитанию.

Как часто при этом случается, что нам неизвестны детали налагаемых на нас обязанностей, и, для того чтобы узнать их, мы вынуждены справляться с кодексом и советоваться с его уполномоченными истолкователями! Точно так же верующий при рождении своем находит уже готовыми верования и обряды своей религии; если они существовали до него, то, значит, они существуют вне его. Система знаков, которыми я пользуюсь для выражения моих мыслей, денежная система, употребляемая мною для уплаты долгов, орудия кредита, служащие мне в моих коммерческих сношениях, обычаи, соблюдаемые в моей профессии, и т. д. - все это функционирует независимо от того употребления, которое я из них делаю. Пусть возьмут одного за другим всех членов, составляющих общество, и все сказанное может быть повторено по поводу каждого из них. Следовательно, эти способы мышления, деятельности и чувствования обладают тем примечательным свойством, что существуют вне индивидуальных сознаний.

Эти типы поведения или мышления не только находятся вне индивида, но и наделены принудительной силой, вследствие которой они навязываются ему независимо от его желания. Конечно, когда я добровольно сообразуюсь с ними, это принуждение, будучи бесполезным, мало или совсем не ощущается. Тем не менее оно является характерным свойством этих фактов, доказательством чего может служить то обстоятельство, что оно проявляется тотчас же, как только я пытаюсь сопротивляться. Если я пытаюсь нарушить нормы права, они реагируют против меня, препятствуя моему действию, если еще есть время; или уничтожая и восстанавливая его в его нормальной форме, если оно совершено и может быть исправлено; или же, наконец, заставляя меня искупить его, если иначе его исправить нельзя. Относится ли сказанное к чисто нравственным правилам?

Общественная совесть удерживает от всякого действия, оскорбляющего их, посредством надзора за поведением граждан и особых наказаний, которыми она располагает. В других случаях принуждение менее сильно, но все-таки существует. Если я не подчиняюсь

условиям света, если я, одеваясь, не принимаю в расчет обычаев моей страны и моего класса, то смех, мною вызываемый, и то отдаление, в котором меня держат, производят, хотя и в более слабой степени, то же действие, что и наказание в собственном смысле этого слова. В других случаях имеет место принуждение хотя и косвенное, но не менее действенное. Я не обязан говорить по-французски с моими соотечественниками или использовать установленную валюту, но я не могу поступить иначе. Если бы я попытался ускользнуть от этой необходимости, моя попытка оказалась бы неудачной.

Если я промышленник, то никто не запрещает мне работать, употребляя приемы и методы прошлого столетия, но если я сделаю это, я наверняка разорюсь. Даже если фактически я смогу освободиться от этих правил и успешно нарушить их, то я могу сделать это лишь после борьбы с ними. Если даже в конце концов они и будут побеждены, то все же они достаточно дают почувствовать свою принудительную силу оказываемым ими сопротивлением. Нет такого новатора, даже удачливого, предприятия которого не сталкивались бы с оппозицией этого рода.

Такова, стало быть, категория фактов, отличающихся весьма специфическими свойствами; ее составляют способы мышления, деятельности и чувствования, находящиеся вне индивида и наделенные принудительной силой, вследствие которой они ему навязываются. Поэтому их нельзя смешивать ни с органическими явлениями, так как они состоят из представлений и действий, ни с явлениями психическими, существующими лишь в индивидуальном сознании и через его посредство. Они составляют, следовательно, новый вид, и им-то и должно быть присвоено название **социальных**. Оно им вполне подходит, так как ясно, что, не имея своим субстратом индивида, они не могут иметь другого субстрата, кроме общества, будь то политическое общество в целом или какие-либо отдельные группы, в нем заключающиеся: религиозные группы, политические и литературные школы, профессиональные корпорации и т. д. С другой стороны, оно применимо только к ним, так как слово «социальный» имеет определенный смысл лишь тогда, когда обозначает исключительно явления, не входящие ни в одну из установленных и названных уже категорий фактов. Они составляют, следовательно, собственную область социологии. Правда, слово «принуждение», при помощи которого мы их определяем, рискует встревожить ревностных сторонников абсолютного индивидуализма. Поскольку они признают индивида вполне

автономным, то им кажется, что его унижают всякий раз, как дают ему почувствовать, что он зависит не только от самого себя. Но так как теперь несомненно, что большинство наших идей и стремлений не выработаны нами, а приходят к нам извне, то они могут проникнуть в нас, лишь заставив признать себя; вот все, что выражает наше определение. Кроме того, известно, что социальное принуждение не исключает непременно индивидуальность.

Но так как приведенные нами примеры (юридические и нравственные правила, религиозные догматы, финансовые системы и т. п.) все состоят из уже установленных верований и обычаев, то на основании сказанного можно было бы подумать, что социальный факт может быть лишь там, где есть определенная организация. Однако существуют другие факты, которые, не представляя собой таких кристаллизованных форм, обладают той же объективностью и тем же влиянием на индивида. Это так называемые социальные течения.

Так, возникающие в многолюдных собраниях великие движения энтузиазма, негодования, сострадания не зарождаются ни в каком отдельном сознании. Они приходят к каждому из нас извне и способны увлечь нас, вопреки нам самим. Конечно, может случиться, что, отдаваясь им вполне, я не буду чувствовать того давления, которое они оказывают на меня. Но оно проявится тотчас, как только я попытаюсь бороться с ними. Пусть какой-нибудь индивид попробует противиться одной из этих коллективных манифестаций, и тогда отрицаемые им чувства обратятся против него. Если эта сила внешнего принуждения обнаруживается с такой ясностью в случаях сопротивления, то, значит, она существует, хотя не осознается, и в случаях противоположных. Таким образом, мы являемся жертвами иллюзии, заставляющей нас верить в то, что мы сами создали то, что навязано нам извне. Но если готовность, с какой мы впадаем в эту иллюзию, и маскирует испытанное давление, то она его не уничтожает. Так, воздух все-таки обладает весом, хотя мы и не чувствуем его. Даже если мы со своей стороны содействовали возникновению общего чувства, то впечатление, полученное нами, будет совсем другим, чем то, которое мы испытали бы, если бы были одни. Поэтому когда собрание разойдется, когда эти социальные влияния перестанут действовать на нас и мы останемся наедине с собой, то чувства, пережитые нами, покажутся нам чем-то чуждым, в чем мы сами себя не узнаем. Мы замечаем тогда, что мы их гораздо более испытали, чем создали. Случается даже, что они вызывают в нас ужас, настолько они

были противны нашей природе. Так, индивиды, в обыкновенных условиях совершенно безобидные, соединяясь в толпу, могут вовлекаться в акты жестокости. То, что мы говорим об этих мимолетных вспышках, применимо также и к тем более длительным движениям общественного мнения, которые постоянно возникают вокруг нас или во всем обществе или в более ограниченных кругах по поводу религиозных, политических, литературных, художественных и других вопросов.

Данное определение социального факта можно подтвердить еще одним характерным наблюдением, стоит только обратить внимание на то, как воспитывается ребенок. Если рассматривать факты такими, каковы они есть и всегда были, то нам бросится в глаза, что все воспитание заключается в постоянном усилии приучить ребенка видеть, чувствовать и действовать так, как он не привык бы самостоятельно. С самых первых дней его жизни мы принуждаем

его есть, пить и спать в определенные часы, мы принуждаем его к чистоте, к спокойствию и к послушанию; позднее мы принуждаем его считаться с другими, уважать обычаи, приличия, мы принуждаем его к работе и т. д. Если с течением времени это принуждение и перестает ощущаться, то только потому, что оно постепенно рождает привычки, внутренние склонности, которые делают его бесполезным, но заменяют его лишь вследствие того, что сами из него вытекают. Правда, согласно Спенсеру, рациональное воспитание должно было бы отвергать такие приемы и предоставлять ребенку полную свободу; но так как эта педагогическая теория никогда не практиковалась ни одним из известных народов, то она составляет лишь **desideratum** автора, а не факт, который можно было бы противопоставить изложенным фактам. Последние же особенно поучительны потому, что воспитание имеет целью создать социальное существо; на нем, следовательно, можно увидеть в общих чертах, как образовалось это существо в истории. Это давление, ежеминутно испытываемое ребенком, есть не что иное, как давление социальной среды, стремящейся сформировать его по своему образу и имеющей своими представителями и посредниками родителей и учителей.

Таким образом, характерным признаком социальных явлений служит не их распространенность. Какая-нибудь мысль, присущая сознанию каждого индивида, какое-нибудь движение, повторяемое всеми, не становятся от этого социальными фактами. Если

этим признаком и довольствовались для их определения, то это потому, что их ошибочно смешивали с тем, что может быть названо их индивидуальными воплощениями. К социальным фактам принадлежат верования, стремления, обычаи группы, взятой коллективно; что же касается тех форм, в которые облакаются коллективные состояния, передаваясь индивидам, то это явления иного порядка. Двойственность их природы наглядно доказывается тем, что обе эти категории фактов часто встречаются в разъединенном состоянии. Действительно, некоторые из этих образов мыслей или действий приобретают вследствие повторения известную устойчивость, которая, так сказать, создает из них осадок и изолирует от отдельных событий, их отражающих. Они как бы приобретают, таким образом, особое тело, особые свойственные им осязательные формы и составляют реальность **sui generis**, очень отличную от воплощающих ее индивидуальных фактов. Коллективная привычка существует не только как нечто имманентное ряду определяемых ею действий, но по привилегии, не встречаемой нами в области биологической, она выражается раз и навсегда в какой-нибудь формуле, повторяющейся из уст в уста, передающейся воспитанием, закрепляющейся даже письменно. Таковы происхождение и природа юридических и нравственных правил, народных афоризмов и преданий, догматов веры, в которых религиозные или политические секты кратко выражают свои убеждения, кодексов вкуса, устанавливаемых литературными школами, и пр. Существование всех их не исчерпывается целиком применениями их в жизни отдельных лиц, так как они могут существовать и не будучи применяемы в настоящее время.

Конечно, эта диссоциация не всегда одинаково четко проявляется. Но достаточно ее неоспоримого существования в поименованных нами важных и многочисленных случаях, для того чтобы доказать, что социальный факт отличен от своих индивидуальных воплощений. Кроме того, даже тогда, когда она не дана непосредственно наблюдению, ее можно часто обнаружить с помощью некоторых искусственных приемов; эту операцию даже необходимо произвести, если желают освободить социальный факт от всякой примеси и наблюдать его в чистом виде. Так, существуют известные течения общественного мнения, вынуждающие нас с различной степенью интенсивности, в зависимости от времени и страны, одного, например, к браку, другого к самоубийству или к более или менее высокой детности и т. п. Это, очевидно, социальные факты. С первого взгляда они кажутся неотделимыми от форм, принимаемых ими

в отдельных случаях. Но статистика дает нам средство изолировать их. Они в действительности изображаются довольно точно цифрой рождаемости, браков и самоубийств, т. е. числом, получающимся от деления среднего годового итога браков, рождений, добровольных смертей на число лиц, по возрасту способных жениться, производить, убивать себя. Так как каждая из этих цифр охватывает без различия все отдельные случаи, то индивидуальные условия, способные сказываться на возникновении явления, взаимно нейтрализуются и вследствие этого не определяют этой цифры. Она выражает лишь известное состояние коллективной души.

Вот что такое социальные явления, освобожденные от всякого постороннего элемента. Что же касается их частных проявлений, то и в них есть нечто социальное, так как они частично воспроизводят коллективный образец. Но каждое из них в большой мере зависит также и от психоорганической конституции индивида, и от особых условий, в которых он находится. Они, следовательно, не относятся к собственно социологическим явлениям. Они принадлежат одновременно двум областям, и их можно было бы назвать социопсихическими. Они интересуют социолога, не составляя непосредственного предмета социологии. Точно так же и в организме встречаются явления смешанного характера, которые изучаются смешанными науками, как, например, биологической химией.

Но, скажут нам, явление может быть общественным лишь тогда, когда оно свойственно всем членам общества или, по крайней мере, большинству из них, следовательно, при условии всеобщности. Без сомнения, однако, оно всеобще лишь потому, что социально (т. е. более или менее обязательно), а отнюдь не социально потому, что всеобще. Это такое состояние группы, которое повторяется у индивидов, потому что оно навязывается им. Оно находится в каждой части, потому что находится в целом, а вовсе не потому оно находится в целом, что находится в частях. Это особенно очевидно относительно верований и обычаев, передающихся нам уже вполне сложившимися от предшествующих поколений. Мы принимаем и усваиваем их, потому что они, как творение коллективное и вековое, облечены особым авторитетом, который мы вследствие воспитания привыкли уважать и признавать. А надо заметить, что огромное большинство социальных явлений приходит к нам этим путем. Но даже тогда, когда социальный факт возникает отчасти при нашем прямом содействии, природа его все та же. Коллективное чувство, вспыхивающее в собрании, выражает не только

то, что было общего между всеми индивидуальными чувствами. Как мы показали, оно есть нечто совсем другое. Оно есть результирующая совместной жизни, продукт действий и противодействий, возникающих между индивидуальными сознаниями. И если оно отражается в каждом из них, то это в силу той особой энергии, которой оно обязано своему коллективному происхождению. Если все сердца бьются в унисон, то это не вследствие самопроизвольного и предустановленного согласия, а потому, что их движет одна и та же сила и в одном и том же направлении. Каждого увлекают все. Итак, мы можем точно представить себе область социологии. Она охватывает лишь определенную группу явлений. Социальный факт узнается лишь по той внешней принудительной власти, которую он имеет или способен иметь над индивидами. А присутствие этой власти узнается, в свою очередь, или по существованию какой-нибудь определенной санкции, или по сопротивлению, оказываемому этим фактом каждой попытке индивида выступить против него. Его можно определить также и по распространению его внутри группы, если только, в соответствии с предыдущими замечаниями, будет прибавлено в качестве второго основного признака, что он существует независимо от индивидуальных форм, 'принимаемых им при распространении. В иных случаях последний критерий даже легче применять, чем первый. Действительно, принуждение легко констатировать, когда оно выражается вовне какой-нибудь прямой реакцией общества, как это бывает в праве, в морали, в верованиях, в обычаях, даже в модах. Но, когда оно лишь косвенное, что имеет место, например, в экономической организации, оно не так легко заметно. Тогда бывает легче установить всеобщность вместе с объективностью. К тому же это второе определение есть лишь другая форма первого, так как если способ поведения, существующий вне индивидуальных сознаний, становится общим, то он может стать таким лишь с помощью принуждения.

Однако можно было бы спросить, полно ли это определение. Действительно, все факты, послужившие нам основанием для него, являются различными способами **действия**; они относятся к физиологической категории. Однако существуют еще формы коллективного **бытия**, т. е. социальные факты анатомического или морфологического порядка. Социология не может не интересоваться тем, что образует субстрат коллективной жизни. Однако число и характер основных элементов, из которых слагается общество, способы их сочетания, степень достигнутой ими сплоченности, распределение населения по территории, число и

характер путей сообщения, форма жилищ и т. д. на первый взгляд не могут быть сведены к способам действия, чувствования и мышления.

Но прежде всего эти разнообразные явления содержат те же характерные признаки, которые послужили нам для определения других явлений. Эти формы бытия навязываются индивиду так же, как и те способы действия, о которых мы говорили выше. Действительно, если хотят узнать политическое деление общества, состав его отдельных частей, более или менее тесную связь между ними, то этого можно достигнуть не при помощи материального осмотра или географического обзора, так как деления идеальны даже тогда когда некоторые их основания заложены в физической природе. Лишь посредством изучения публичного права можно узнать эту организацию, так как именно это право определяет наши семейные и гражданские отношения. Она, следовательно, не менее обязательна. Если наше население теснится в городах, вместо того чтобы рассеяться по деревням, то это потому, что существует коллективное мнение, принуждающее индивидов к этой концентрации. Мы так же не можем выбирать форму наших жилищ, как и фасоны нашей одежды: первая обязательна в такой же мере, как и последние. Пути сообщения настоящим образом определяют направление, в котором совершаются внутренние миграции и обмен, и даже интенсивность этих миграций и обмена и т. д. Следовательно, к перечисленному нами ряду явлений, имеющих отличительный признак социальных фактов, можно было бы прибавить еще одну категорию; но так как это перечисление не было исчерпывающим, то такое прибавление необязательно.

Оно даже бесполезно, так как эти формы бытия суть лишь устоявшиеся способы действий. Политическая структура общества есть лишь тот способ, которым привыкли жить друг с другом различные сегменты, составляющие это общество. Если их отношения традиционно тесны, то сегменты стремятся слиться, в противоположном случае они стремятся к разъединению. Тип нашего жилища представляет собой лишь тот способ, которым привыкли строить дома все вокруг нас и отчасти предшествующие поколения. Пути сообщения являются лишь тем руслом, которое прорыло себе регулярно совершающееся в одном и том же направлении течение обмена и миграций и т.д.

Конечно, если бы только явления морфологического порядка представляли такую устойчивость, то можно бы подумать, что они представляют собой особый вид. Но юридическое правило - устройство не менее устойчивое и постоянное, чем архитектурный тип,

а между тем это факт физиологический.

Простая нравственная максима, конечно, более изменчива, но ее формы бывают более устойчивыми, нежели профессиональный обычай или мода. Притом существует целый ряд переходных ступеней, которыми наиболее характерные по своей структуре социальные факты соединяются с теми свободными течениями социальной жизни, которые еще не вылились в определенную форму. Следовательно, между ними есть различия лишь в степени их прочности. И те и другие представляют лишь более или менее кристаллизованную форму. Конечно, может быть, полезно сохранить для социальных фактов, составляющих социальный субстрат, название морфологических, но при этом не надо терять из виду, что по природе своей они одинаковы с другими фактами.

Наше определение будет, следовательно, полно, если мы скажем: социальным фактом является всякий способ действий, устоявшийся или нет, способный оказывать на индивида внешнее принуждение; или иначе: распространенный на всем протяжении данного общества, имеющий в то же время свое собственное существование, независимое от его индивидуальных проявлений.

Заключение

В целом изложенный метод отличается следующими признаками.

Во-первых, он независим от всякой философии. Так как социология возникла из великих философских доктрин, то она сохранила привычку опираться на какую-нибудь систему, с которой она, таким образом, оказывается связанной. Поэтому она была последовательно позитивистской, эволюционистской, спиритуалистской, тогда как она должна довольствоваться тем, чтобы быть просто социологией. Мы не решились бы даже назвать ее натуралистской, если только этим термином не обозначать то, что она считает социальные факты объяснимыми естественными причинами. А в этом случае эпитет довольно бесполезен, так как он просто указывает на то, что социолог - не мистик и занимается наукой. Но мы отвергаем это слово, если ему придается доктринальное значение, касающееся сущности социальных явлений, если, например, подразумевается, что последние могут быть сведены к другим космическим силам. Социологии не следует принимать сторону какой-нибудь из великих метафизических гипотез. Ей не нужно утверждать ни свободы, ни детерминизма. Она

требует только признания, что к социальным явлениям применим принцип причинности. Даже этот принцип она выдвигает не как непреложный постулат разума, а как постулат эмпирический, результат правомерной индукции. Так как закон причинности признан для других областей природного царства и признание его господства постепенно расширялось, распространялось от мира явлений физико-химических на явления биологические, от последних - на мир явлений психических, то мы вправе допустить, что он также верен и для мира социального. И можно добавить к этому, что исследования, предпринятые на основе этого постулата, судя по всему, его подтверждают. Но вопрос, исключает ли природа причинной связи всякую случайность, этим еще не решается.

К тому же сама философия весьма заинтересована в этом освобождении социологии. Пока социолог не освободился вполне от влияния философа, он рассматривает социальные явления только с их наиболее общей стороны, с той, с которой они более всего походят на другие явления вселенной. Если же, находясь в таком положении, социология и может иллюстрировать философские положения любопытными фактами, то она не может обогатить ее новыми взглядами, поскольку не обнаруживает ничего нового в изучаемом объекте. Но в действительности, если основные факты других областей обнаруживаются и в сфере социальных явлений, то лишь в особых формах, делающих их природу более понятной, потому что они являются высшим ее выражением. Только, для того чтобы видеть их с этой стороны, нужно выйти за пределы общих положений и обратиться к детальному изучению фактов. Таким образом, социология, по мере того как она будет специализироваться, будет доставлять все более оригинальный материал для философского размышления. Уже предшествующее изложение могло показать, что такие существенные понятия, как вид, орган, функция, здоровье, болезнь, причина, цель, предстают в совершенно новом свете. К тому же разве не социология призвана наиболее рельефно выразить идею ассоциации, которая может быть основанием не только психологии, но и целой философии?

Относительно практических учений наш метод позволяет и рекомендует ту же независимость. Социология, понимаемая таким образом, не будет ни индивидуалистической, ни коммунистической, ни социалистической в том значении, которое обыкновенно придается этим словам. Она принципиально будет игнорировать эти теории, за которыми не может признать научной ценности, поскольку они прямо стремятся не выразить, а преобразовывать

факты. По крайней мере, если она и заинтересуется ими, то лишь в той мере, в какой увидит в них социальные факты, которые могут помочь ей понять социальную реальность, обнаруживая потребности, волнующие общество. Это не значит, впрочем, что она не должна интересоваться практическими вопросами. Наоборот, можно было заметить, что мы постоянно стараемся ориентировать ее таким образом, чтобы она могла делать практические выводы. Она непременно сталкивается с этими проблемами в конце своих исследований. Но уже благодаря тому, что они возникают перед ней только в этот момент и, следовательно, выводятся из фактов, а не из страстей, то можно предвидеть, что они предстают перед социологом в совершенно ином виде, чем перед толпой, и что предлагаемые им решения, впрочем частичные, не могут вполне совпадать с решениями какой-либо партии. Но с этой точки зрения роль социологии должна состоять именно в том, чтобы освободить нас от всех партий, не столько противопоставляя одну доктрину другим, сколько приучая умы занимать по отношению к этим вопросам особую позицию, которую может внушить только наука посредством прямого соприкосновения с вещами. Только она может научить относиться с уважением, но без фетишизма к исторически сложившимся институтам, каковы бы они ни были, указывая нам, что в них необходимого и временного, какова их прочность и бесконечная изменчивость.

Во-вторых, наш метод объективен. Он весь проникнут идеей, что социальные факты суть вещи и должны рассматриваться как таковые. Конечно, этот принцип встречается в несколько иной форме и в основе доктрин Конта и Спенсера. Но эти великие мыслители скорее дали его теоретическую формулу, чем применили его на практике. Для того чтобы он не остался мертвой буквой, недостаточно было провозгласить его, нужно было сделать его основанием дисциплины, которая завладела бы ученым в тот самый момент, когда он приступает к предмету своих исследований, и которая постоянно сопровождала бы его во всех его попытках. Именно за установление такой дисциплины мы и взялись. Мы показали, как социолог должен устранять имеющиеся у него заранее понятия о фактах, чтобы стать лицом к лицу с самими фактами; как он должен находить их по их наиболее объективным признакам и в них самих искать признаки для разделения их на здоровые и болезненные; как, наконец, он должен проникнуться тем же принципом и в даваемых им объяснениях, и в способе доказательств этих объяснений. Понимая, что имеют дело с вещами, не станут уже

объяснять их утилитарными расчетами или какими бы то ни было рассуждениями.

Тогда становится слишком очевидным разрыв между подобными причинами и следствиями. Вещь есть сила, которая может быть порождена только другой силой, Следовательно, для того чтобы объяснить социальные факты, нужно найти энергии, способные произвести их. При таких условиях изменяются не только объяснения, но и процесс их доказательства или, точнее, лишь тогда чувствуют необходимость доказывать их. Если социологические явления суть лишь системы объективированных идей, то объяснить их - значит вновь рассмотреть эти идеи в их логическом порядке, и такое объяснение является своим собственным доказательством; самое большее, что остается сделать, - это подтвердить его несколькими примерами. Наоборот, лишь методически правильными опытами можно проникнуть в тайну вещей.

. Но если мы и рассматриваем социальные факты как вещи, то как вещи социальные. Третья характерная черта нашего метода * состоит в том, что он является исключительно социологическим. Часто казалось, что эти явления вследствие своей чрезвычайной сложности или вовсе не поддаются научному исследованию, или могут стать объектом его, лишь будучи сведены к своим элементарным условиям, психическим или органическим, т. е. утратив свойственный им характер. Мы же, наоборот, попытались доказать, что их можно изучать научно, не лишая их специфических свойств. Мы даже отказались свести характерную для них нематериальность *sui generis* к сложной нематериальности психологических явлений; тем более мы не позволили себе по примеру итальянской школы растворить ее в общих свойствах организованной материи. Мы показали, что социальный факт можно объяснить только другим социальным фактом, и в то же время мы показали, как этот вид объяснения возможен, признав внутреннюю социальную среду главным двигателем социальной эволюции. Социология, следовательно, не есть приложение к какой-либо другой науке; она представляет собой особую и автономную науку, и ощущение специфики социальной реальности настолько необходимо социологу, что только особая социологическая культура может привести его к пониманию социальных фактов.

Мы считаем, что это самый важный шаг, который остается сделать социологии. Конечно, когда наука находится в процессе зарождения, для создания ее бывают вынуждены обращаться к единственным существующим моделям, т. е. к наукам, уже сло-

жившимся. Там находятся сокровища уже проделанных опытов, не воспользоваться которыми было бы безумием. Тем не менее наука может считаться окончательно установленной только тогда, когда она стала независимой. В самом деле, она имеет право на существование лишь тогда, когда предметом ее служит категория фактов, не изучаемая другими науками. Невозможно, однако, чтобы одни и те же понятия были бы одинаково пригодны для разных по сути вещей.

Таковы, по нашему представлению, принципы социологического метода.

Эта совокупность правил покажется, быть может, излишне сложной по сравнению с обыкновенно используемыми приемами. Все эти приготовления и предосторожности могут показаться весьма затруднительными для науки, до сих пор требовавшей от лиц, посвящавших ей себя, лишь общей и философской культуры. И действительно, применение подобного метода на практике не может увеличить интерес к социологическим предметам. Когда от людей требуется в качестве основного предварительного условия, чтобы они отрешились от тех понятий, которые они привыкли прилагать к какому-то разряду явлений, чтобы они заново пересмотрели их, нельзя рассчитывать найти многочисленных последователей. Но мы стремимся не к этому. Мы, наоборот, думаем, что для социологии настал момент отказаться от, так сказать, светских успехов и обрести эзотерический характер, приличествующий всякой науке. Таким образом она выиграет в достоинстве и авторитете настолько, насколько, быть может, проиграет в популярности. В самом деле, пока она остается втянутой в борьбу партий, пока она довольствуется лишь тем, что обрабатывает с большей логикой, чем толпа, общепринятые идеи и потому, следовательно, не требует никакой особой квалификации, она не вправе говорить так громко, чтобы заставить умолкнуть страсти и предрассудки. Конечно, еще далеко то время, когда она сможет выполнить эту задачу, но нам нужно трудиться уже теперь, чтобы когда-нибудь она была в состоянии ее осуществить.

Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. - М., 1995. - С. 24-26; 29-39; 153-158.

М.ВЕБЕР ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ ПОНИМАЮЩЕЙ

СОЦИОЛОГИИ*

Название фрагмента дано составителями хрестоматии

1. Смысл «понимающей» социологии

В поведении людей («внешнем» и «внутреннем») обнаруживаются, как и в любом процессе, связи и регулярность. Только человеческому поведению присущи, во всяком случае полностью, такие связи и регулярность, которые могут быть понятно истолкованы. Полученное посредством истолкования «понимание» поведения людей содержит специфическую, весьма различную по своей степени качественную «очевидность». Тот факт, что толкование обладает такой «очевидностью» в особенно высокой степени, сам по себе отнюдь не свидетельствует об его эмпирической значимости. Ибо одинаковое по своим внешним свойствам и по своему результату поведение может основываться на самых различных конstellациях мотивов наиболее понятная и очевидная из которых отнюдь не всегда является определяющей. «Понимание» связи всегда надлежит - насколько это возможно - подвергать контролю с помощью обычных методов каузального сведения, прежде чем принять пусть даже самое очевидное толкование в качестве значимого «понятного объяснения». Наибольшей «очевидностью» отличается целерациональная интерпретация. Целерациональным мы называем поведение ориентированное только на средства (субъективно) представляющиеся адекватными для достижения (субъективно) однозначно воспринятой цели. Мы понимаем отнюдь не только целерациональное поведение, мы «понимаем» и типические процессы, основанные на аффектах, и их типические последствия для поведения людей. «Понятное» не имеет четких границ для эмпирических дисциплин. Экстаз и мистическое переживание, так же как известные типы психопатических связей или поведение маленьких детей (а также не интересующее нас в данной связи поведение животных), не доступны нашему пониманию и основанному на нем объяснению в такой мере, как другие процессы. Дело не в том, что нашему пониманию и объяснению недоступно «отклонение от нормального» как таковое. Напротив, именно постигнуть совершенно «понятное» и вместе с тем «простое», полностью соответствующее «правильному типу» (в том смысле, который будет вскоре пояснен), может быть ⁴⁵ задачей, значительно превышающей средний уровень понимания. «Не надо быть Цезарем, чтобы понимать Цезаря» - как принято говорить. В противном случае заниматься историей вообще не имело бы никакого

смысла. И наоборот, существуют явления, рассматриваемые нами как «собственные», а именно «психические», совершенно будничные реакции человека, которые, однако, в своей взаимосвязи вообще не обладают качественно специфической очевидностью, свойственной «понятному». Так, например, процесс тренировки памяти и интеллекта лишь частично «доступен пониманию», ничуть не более, чем ряд психопатических проявлений. Поэтому науки, основанные на понимании, рассматривают устанавливаемую регулярность в подобных психических процессах совершенно так же, как закономерности физической природы.

Из специфической очевидности целерационального поведения не следует, конечно, делать вывод о том, что социологическое объяснение ставит своей целью именно рациональное толкование.

Принимая во внимание роль, которую в поведении человека играют «иррациональные по своей цели» аффекты и «эмоциональные состояния», и тот факт, что каждое целерационально понимающее рассмотрение постоянно наталкивается на цели, которые сами по себе уже не могут быть истолкованы как рациональные «средства» для других целей, а должны быть просто приняты как целевые направленности, не допускающие дальнейшего рационального толкования, - даже если их возникновение как таковое может служить предметом дальнейшего «психологически» понятного объяснения, - можно было бы с таким же успехом утверждать прямо противоположное. Правда, поведение, доступное рациональному толкованию, в ходе социологического анализа понятных связей очень часто позволяет конструировать наиболее подходящий «идеальный тип». Социология, подобно истории, дает сначала «прагматическое» истолкование, основываясь на рационально понятных связях действий. Именно так создается в политической экономии рациональная конструкция «экономического человека». Такой же метод применяется и в понимающей социологии. Ведь ее специфическим объектом мы считаем не любой вид «внутреннего состояния» или внешнего отношения, а действие. «Действием» же (включая намеренное бездействие или нейтральность) мы всегда называем понятное отношение к «объектам», то есть такое, которое специфически характеризуется тем, что оно «имело» или предполагало (с у б ъ е к т и в н ы и) с м ы с л, независимо от степени его выраженности. Буддийское созерцание и христианская аскеза осмысленно соотнесены с «внутренними» для действующих лиц объектами, а рациональная экономическая деятельность человека,

распоряжающегося материальными благами, с «внешними» объектами. Специфически важным для понимающей социологии является прежде всего поведение, которое, во-первых, по субъективно предполагаемому действующим лицом смыслу соотнесено с поведением других людей, во-вторых, определено также этим его осмысленным соотнесением и, в-третьих, может быть, исходя из этого (субъективно) предполагаемого смысла, понятно объяснено. Субъективно осмысленно соотнесены с внешним миром, и в частности с действиями других, и аффективные действия, и также косвенно релевантные для поведения «эмоциональные состояния», как «чувство собственного достоинства», «гордость», «зависть», «ревность». Однако понимающую социологию интересуют здесь не физиологические, ранее называвшиеся «психофизическими» явления, например изменение пульса или быстроты реакции и т.п., и не чисто психические данности, такие, как, например, сочетание напряжения с ощущением удовольствия или неудовольствия, посредством которых эти явления могут быть охарактеризованы. Социология дифференцирует их по типам смысловой (прежде всего внешней) соотнесенности действия, и поэтому целерациональность служит ей - как мы вскоре увидим - идеальным типом именно для того, чтобы оценить степень его иррациональности. Только если определять (субъективно предполагаемый) смысл этой «соотнесенности» как «внутренние» пласты человеческого поведения (такую терминологию нельзя не считать вызывающей сомнение), можно было бы сказать, что понимающая социология рассматривает названные явления исключительно «изнутри»; но это означало бы: не посредством перечисления их физических или психических черт. Следовательно, различия психологических свойств в поведении не релевантны для нас сами по себе. Тождество смысловой соотнесенности не связано с наличием одинаковых «психических» констелляций, хотя и несомненно, что различия в одной из сторон могут быть обусловлены различиями в другой. Такая категория, как, например, «стремление к наживе», вообще не может быть отнесена к какой-либо «психологии»; ибо при двух сменяющих друг друга владельцев «одного и того же» делового предприятия «одинаковое» стремление к «рентабельности» может быть связано не только с совершенно гетерогенными «качествами характера», но и обусловлено в процессе совершенно одинаковой реализации и в конечном результате прямо противоположными «психическими» констелляциями и чертами характера; при этом и важнейшие (для психологии), решающие «целевые направленности» могут не

быть родственны друг другу. События, лишённые смысла, субъективно соотнесённого с поведением других, по этому одному ещё не безразличны с социологической точки зрения. Напротив, именно в них могут содержаться решающие условия, а следовательно, причины, определяющие поведение. Ведь для понимающей науки человеческие действия в весьма существенной степени осмысленно соотносятся с не ведающим осмысления «внешним миром», с явлениями и процессами природы: теоретическая конструкция поведения изолированного экономического человека, например, создана именно на этой основе. Однако значимость процессов, не обладающих субъективной «смысловой соотнесённостью», таких, например, как кривая рождаемости и смертности, формирование посредством естественного отбора антропологических типов, а также чисто психические факторы, принимается понимающей социологией просто в качестве «условий» и «следствий», на которые ориентируются осмысленные действия, подобно тому как в экономической науке используются климатические данные или данные из области физиологии растений.

Явления наследственности не могут быть поняты на основе субъективно предполагаемого смысла и тем меньше, чем точнее становятся естественнонаучные определения их условий. Предположим, например, что когда-либо удастся (мы сознательно не пользуемся здесь специальной терминологией) приближенно установить связь между наличием определенных социологических релевантных качеств и импульсов, таких, например, которые способствуют либо стремлению к определенным типам социального влияния и власти, либо шансам этого достигнуть наличием способности к рациональной ориентации действий вообще или других отдельных интеллектуальных качеств, с одной стороны, и индексом черепа или принадлежностью к обладающей какими-либо признаками группе людей - с другой. Тогда понимающей социологии пришлось бы, без всякого сомнения, принять во внимание эти специальные данные так же, как она принимает во внимание, например, последовательность типических возрастных стадий или смертность людей. Однако подлинная ее задача состояла бы именно в том, чтобы, интерпретируя, объяснить: 1. Посредством, каких осмысленно соотнесённых действий (будь то с объектами внешнего или собственного внутреннего мира) люди, обладающие специфическими ⁴⁵ унаследованными качествами, пытались осуществить свое стремление, обусловленное, помимо других причин, и этими качествами; в какой степени и по какой причине им это удавалось или не удавалось?

2. Какие понятные нам последствия подобное (обусловленное наследственностью) стремление имело для осмысленно соотнесенного поведения других людей?

2. Понятие социального действия

1. Социальное действие (включая невмешательство или терпеливое принятие) может быть ориентировано на прошедшее, настоящее или ожидаемое в будущем поведение других. Оно может быть мстью за прошлые обиды, защитой от опасности в настоящем или мерами защиты от грозящей опасности в будущем. «Другие» могут быть отдельными лицами, знакомыми или неопределенным множеством совершенно незнакомых людей. (Так, например, «деньги» служат средством обмена, которое действующее лицо принимает потому, что ориентирует свои действия на ожидание готовности со стороны многочисленных незнакомых и неопределенных «других» в свою очередь принять их впоследствии в процессе обмена.)

2. Не все типы действия - в том числе и внешнего - являются «социальными» в принятом здесь смысле. Внешнее действие не может быть названо социальным в том случае, если оно ориентировано только на поведение вещных объектов. Внутреннее отношение носит социальный характер лишь в том случае, если оно ориентировано на поведение других. Так, например, действия религиозного характера несоциальны, если они не выходят за пределы созерцания, прочитанной в одиночестве молитвы и т.д. Хозяйствование (отдельного индивида) социально только тогда и постольку, если и поскольку оно принимает во внимание поведение других. В самом общем и формальном выражении, следовательно, - если в таком хозяйствовании отражено признание третьими лицами фактических прав данного индивида распоряжаться своим хозяйством по своему усмотрению. В материальной сфере подобная ситуация может быть выражена, например, в том, что в таком хозяйствовании при потреблении принимается во внимание также и будущая потребность третьих лиц, и «запасы» отчасти ориентируются на это; или если при производстве продуктов в основу ориентации положен предполагаемый спрос на них третьих лиц в будущем.

3. Не все типы взаимоотношений людей носят социальный характер: социально только то действие, которое по своему смыслу ориентировано на поведение других. Столкновение двух велосипедистов, например, не более чем происшествие, подобное явлению природы. Однако попытка кого-нибудь из них избежать этого столкновения - последовавшая за

столкновением брань, потасовка или мирное урегулирование конфликта - является уже «социальным действием».

4. Социальное действие не идентично ни а) единообразному поведению многих людей, ни б) тому, на которое влияет поведение других, а) Если многие люди на улице открывают во время дождя зонты, то это (как правило) не означает, что действие человека ориентировано на поведение других; это просто однотипные действия для защиты от дождя, б) Известно, что на поведение человека оказывает сильное влияние просто тот факт, что он находится среди столпившейся «массы» людей (предмет «массовой психологии», исследуемой в работе Лебона); такое поведение определяется как поведение, обусловленное массовостью. Индивид может также оказаться объектом массового воздействия со стороны рассеянных масс людей, если они влияют на него одновременно или последовательно (например, через прессу), и он воспринимает их поведение как поведение многих. Реакции определенного типа становятся возможны только благодаря тому факту, что индивид ощущает себя частью «массы», другие реакции, напротив, этим затрудняются. Вот почему какие-либо события или действия могут вызвать у человека в толпе самые разнообразные чувства - веселость, ярость, воодушевление, отчаяние и любые другие аффекты, которые не возникли бы в результате тех же причин у индивида в одиночестве (или не возникли бы с такой легкостью), при этом (во многих случаях по крайней мере) между поведением индивида и фактом его причастности к толпе может не быть осознанной связи. Подобное поведение, обусловленное (или отчасти обусловленное) только фактом присутствия в толпе как таковым, выражающееся в простой реакции на данное обстоятельство и не соотнесенное с ним по своему смыслу, не входит в понятие «социального действия» в установленном нами значении. Правда, различие здесь с уверенностью провести трудно. Так, например, не только демагог, но и сама массовая аудитория может в различной степени и с различной отчетливостью осмысливать свою связь с фактом «массовости». Далее, просто «подражание» поведению других (чему Г. Тард с полным основанием придает большое значение) не является специфически «социальным поведением», если оно только реактивно и не ориентировано на поведение другого лица. Граница и в данном случае настолько размыта, что в ряде случаев едва ли можно провести должное⁴⁵ различие. Однако тот факт, что индивид заимствует у других что-либо показавшееся ему целесообразным, не составляет социального действия в нашем понимании. Ориентация здесь не на поведение

другого; индивид посредством наблюдения ознакомился с известными объективными возможностями, и на них он ориентируется в своем поведении. Его действие каузально, но не осмысленно определено поведением другого лица. Напротив, если поведению других подражают потому, что оно «модно», считается традиционным, образцовым, «престижным», или из каких-либо иных соображений такого рода, то такое подражание по своему смыслу соотнесено либо с поведением того, кому подражают, либо с поведением тех и других. Между этими типами есть, конечно, множество промежуточных стадий. Феномен обусловленности массовостью и феномен подражания не разделяются четкими границами являют собой пограничные случаи социального действия и будут еще неоднократно встречаться в нашем изложении, например в разделе о традиционном действии (р.2). Причина недостаточной четкости границ объясняется в данном, как и в других случаях, тем, что ориентация на поведение других и смысл собственного действия далеко не всегда могут быть однозначно установлены или даже осознаны, а еще реже - осознаны полностью. Уже по одному тому далеко не всегда можно уверенно разграничить простое «влияние» и осмысленную «ориентацию». Однако концептуально их разделять необходимо, хотя чисто «реактивное» подражание имеет по крайней мере такое же социологическое значение, как «социальное поведение» в собственном смысле слова. Социология занимается отнюдь не одним «социальным действием», но оно являет собой (во всяком случае для той социологии, которой мы здесь занимаемся) ее центральную проблему, конститутивную для нее как для науки. Впрочем, тем самым мы отнюдь не утверждаем, что эта проблема вообще важнее других.

3. Мотивы социального действия

Социальное действие, подобно любому другому поведению, может быть: 1) целерациональным, если в основе его лежит ожидание определенного поведения предметов внешнего мира и других людей и использование этого ожидания в качестве «условий» или «средств» для достижения своей рационально поставленной и продуманной цели; 2) ценностно-рациональным, основанным на вере в безусловную - эстетическую, религиозную или любую другую - самодовлеющую ценность определенного поведения как такового, независимо от того, к чему оно приведет; 3) аффективным, прежде всего ⁴⁵ эмоциональным, то есть обусловленным аффектами или эмоциональным состоянием индивида; 4) традиционным, то есть основанным на длительной привычке.

1. Чисто традиционное действие, подобно чисто реактивному подражанию (см. предыдущий параграф), находится на самой границе, а часто даже за пределом того, что может быть названо «осмысленно» ориентированным действием. Ведь часто это только автоматическая реакция на привычное раздражение в направлении некогда усвоенной установки. Большая часть привычного повседневного поведения людей близка данному типу, занимающему определенное место в систематизации поведения не только в качестве пограничного случая, но и потому, что верность привычке может быть здесь осознана различным образом и в различной степени (об этом ниже). В ряде случаев этот тип приближается к типу №2.

2. Чисто аффективное действие также находится на границе и часто за пределом того, что «осмысленно», осознанно ориентировано; оно может быть не знающим препятствий реагированием на совершенно необычное раздражение. Если действие, обусловленное аффектом, находит свое выражение в сознательной эмоциональной разрядке, мы говорим о сублимации. В таком случае этот тип уже почти всегда близок к «ценностной рационализации», или к целенаправленному поведению, или к тому и другому.

3. Ценностно-рациональная ориентация действия отличается от аффективного поведения осознанным определением своей направленности и последовательности планируемой ориентацией на нее. Общее их свойство заключается в том, что смысл для них состоит не в достижении какой-либо внешней цели, а в самом определенном по своему характеру поведении как таковом. Индивид действует под влиянием аффекта, если он стремится немедленно удовлетворить свою потребность в мести, наслаждении, преданности, блаженном созерцании или снять напряжение любых других аффектов, какими бы низменными или утонченными они ни были.

Чисто ценностно-рационально действует тот, кто, невзирая на возможные последствия, следует своим убеждениям о долге, достоинстве, красоте, религиозных предначертаниях, благочестии или важности «предмета» любого рода. Ценностно-рациональное действие (в рамках нашей терминологии) всегда подчинено «заповедям» или «требованиям», в повиновении которым видит свой долг данный индивид.⁴⁵ Лишь в той мере, в какой человеческое действие ориентировано на них - что встречается достаточно редко и в очень различной, большей частью весьма незначительной степени, - можно говорить о

ценностно-рациональном действии. Как станет ясно из дальнейшего изложения, значение последнего настолько серьезно, что здесь и не делается попытка дать исчерпывающую в каком-либо смысле классификацию типов человеческого действия.

4. Целерационально действует тот индивид, чье поведение ориентировано на цель, средства и побочные результаты его действий, кто рационально рассматривает отношение средств к цели и побочным результатам и, наконец, отношение различных возможных целей друг к другу, то есть действует, во всяком случае, не аффективно (прежде всего не эмоционально) и не традиционно. Выбор между конкурирующими и сталкивающимися целями и следствиями и может быть в свою очередь ориентирован ценностно-рационально - тогда поведение целерационально только по своим средствам. Индивид может также включить конкурирующие и сталкивающиеся цели - без ценностно-рациональной ориентации на «заповеди» и «требования» - просто как данные субъективные потребности в шкалу по степени их сознательно взвешенной необходимости, а затем ориентировать свое поведение таким образом, чтобы эти потребности по возможности удовлетворялись в установленном порядке (принцип «предельной полезности»). Ценностно-рациональная ориентация действия может, следовательно, находиться в различных отношениях с целерациональной ориентацией. С целерациональной точки зрения ценностная рациональность всегда иррациональна, и тем иррациональнее, чем больше она абсолютизирует ценность, на которую ориентируется поведение, ибо она тем в меньшей степени принимает во внимание последствия совершаемых действий, тем безусловнее для нее самодовлеющая ценность поведения как такового (чистота убеждения, красота, абсолютное добро, абсолютное выполнение своего долга). Впрочем, абсолютная целерациональность действия тоже в сущности лишь пограничный случай.

5. Действие, особенно социальное, очень редко ориентировано только на тот или иной тип рациональности, и самая эта классификация, конечно, не исчерпывает типы ориентации действия; они являют собой созданные для социологического исследования понятийно чистые типы, к которым в большей или меньшей степени приближается реальное поведение или - что встречается значительно чаще - из которых оно состоит. Для нас ⁴⁵ доказательством их целесообразности может служить только результат исследования.

Вебер М. Избранные произведения. - М., 1990. - С. 495-499; 625-630.

Э. Ф. ВОУГЕЛ «СЕМЬЯ И РОДСТВО» // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы: пер. с англ. / Под ред. Т. Парсонса. - М., 1972. - С. 163-173.

Несмотря на всю изобретательность человека и на огромное разнообразие политических и экономических организаций, начиная от примитивнейшего племени и кончая сложнейшим социальным строем, практически в каждом обществе основная нуклеарная семья, состоящая из родителей и детей, выступала и выступает в качестве отчетливо выраженной социальной единицы. Даже в таких первобытных обществах, в которых люди не имеют понятия о биологическом вкладе мужчины в производство потомства, ребенок связан с отцом особыми социальными узами...

Чем же объяснить факт неизменного сохранения основной, нуклеарной семьи в каждом известном нам обществе? Некоторые исследователи видят в живучести семьи единственное средство ограничить тотальную конкуренцию среди мужчин, ведущих борьбу за женщин, и среди женщин, борющихся за мужчин. После того как отношения между конкретными взрослым мужчиной и взрослой женщиной обретают стабильность, их союз получает общественное признание. Символом этого общественного признания обычно становятся церемонии обручения или вступления в брак. Особая связь между матерью и ребенком вполне понятна; мать рождает свое дитя и вскармливает его. Зато гораздо труднее объяснить регулярный характер связи между отцом и ребенком. Одни утверждают, что регулярность, с которой возникает в разных обществах социальное положение отца, - явление производное; статус отца обусловлен особым характером его связи с женой, а уже та особым образом связана с ребенком. Другие подчеркивают значение экономической и эмоциональной поддержки родителя, а также его авторитета. Малиновский утверждает, что значение отцовства состоит во введении ребенка в более широкий социальный контекст. Как минимум именно отец предопределяет законный статус ребенка в глазах общества. Помимо того, первоначальный статус ребенка в какой-то мере определяется статусом самого отца. По сути дела, в обществах, имеющих установившуюся структуру статусов (в которых господствуют родственные или кастовые группировки), социальное положение отца принимается в качестве важнейшего фактора, определяющего статус его ребенка.

Вогуел Эзра Ф. - американский социолог.

Само собой разумеется, форма идеальной и фактической семьи в разных обществах бывает самой различной. Сплошь и рядом в конкретном обществе фактически существующие семейные единицы обнаруживают большое разнообразие в зависимости от принадлежности к тому или иному социальному классу, стадии жизненного цикла, профессии и прочих индивидуально-специфических факторов. Но как бы поразительно ни было разнообразие семейных форм, еще более поразительным является, пожалуй, тот факт, что некоторые важные черты структуры нуклеарной семьи носят почти универсальный характер. К их числу принадлежит запрет кровосмешения, запрет половой связи между членами семьи, за исключением мужа и жены. Для объяснения практически повсеместной распространенности запрета кровосмешения выдвигаются многочисленные доводы. Одни утверждают, что этот запрет обусловлен необходимостью сохранить отчетливо выраженные социальные роли и характер взаимоотношений между членами семьи. Другие указывают на важную роль, которую играет запрещение кровосмешения в деле установления связи между семьей и более широким обществом, и на значение брака по предпочтению для поддержания связей между определенными группами в обществе. Помимо того, что нуклеарные семьи повсеместно подвергают известному ограничению кровосмешения, практически во всех семьях мира наблюдается, как указывают Парсонс и Зельдич, внутреннее разделение семейных функций по степени власти, основывающееся на возрастных различиях и различиях в сексуальных ролях; мужчина берет на себя более инструментальную роль, а женщина - более экспрессивную. Некоторые отмечают, что женщина склонна проводить большую, чем мужчина, часть своего времени в семье, а мужчина - посвящать большую по сравнению с женщиной часть времени внесемейным делам; даже если оба супруга работают, то муж, как правило, теснее связан со своей работой и более предан ей, чем жена; в случае, когда один из супругов работает далеко от местожительства, больше шансов, что это будет муж, а не жена.

В настоящей главе я хочу сосредоточить внимание на одной конкретной проблеме - проблеме связи между семейной организацией и более широким социальным окружением. Вообще говоря, в обществах с прочной системой родства нуклеарная семья не выступает в качестве сравнительно обособленной и отчетливо выраженной единицы. Так, например, в

обществе, где доминируют родственные связи по отцовской линии, материнские обязанности, могут быть разделены с сестрами отца. В обществе же, где преобладающим является родство по материнской линии, родительская власть может быть разделена с братьями отца и матери.

Перейдя от изучения группировок, непосредственно связанных родством и совместным жительством, к рассмотрению связи между семьей и экономическими и политическими силами в более широкой общности, исследователь обнаружит, что экономические силы играют гораздо большую роль, чем политические, в определении преобладающих шаблонов семейной организации. Некоторые полагают, что существует прямое соответствие между семейными связями и политической системой. Макс Лернер, например, утверждает в своем большом труде об американской цивилизации, что демократическая политическая среда и более открытые и демократические типы семьи, вообще говоря, взаимно укрепляют друг друга. Он сравнивает это положение с ситуацией в Германии перед войной, где и семья и политический строй носили авторитарный характер. Пожалуй, чаще всего в поддержку точки зрения о наличии соответствия между типами семьи и политических организаций приводятся объяснения психологического порядка. В процессе социализации ребенка семья формирует в его сознании определенные установки, которые впоследствии находят отражение в том, как он участвует в политических институтах общества. Исследователи с психоаналитической ориентацией отмечают, что установки, первоначально вырабатываемые ребенком по отношению к родителям, впоследствии переносятся на лиц, напоминающих ему родителей, в более широком обществе...

Другие исследователи, занимающиеся изучением связей между семьей и политической организацией, подчеркивают значение ценностей приобретенных в семье, при определении политических ценностей; их аргументация, в сущности, такая же, как и у исследователей психологических факторов: ценности, приобретенные в семье, впоследствии найдут отражение в одной из политических ценностей.

45

В известных пределах можно найти подтверждение и тезису о том, что установки и ценности, приобретенные в семье, определяют собой впоследствии установки по отношению к власти.

Однако, на мой взгляд, связь семьи с системой государственного правления (проявляющаяся в сугубо политических вопросах) имеет меньшее значение, чем ее связь с экономикой. Ведь правительство обычно действует в большом отрыве от семьи; государственные дела оказывают сравнительно незначительное воздействие на семейную организацию, а семейная организация - сравнительно малое воздействие на организацию политическую. Хотя, я и готов защищать эту точку зрения в качестве общего правила, однако подобный вывод нуждается в ряде уточнений. Во-первых, он предполагает, что общество достигло определенной степени стабильности. Если поддержание стабильности оказывается для государственной власти настолько трудным делом, что общество в целом приобретает неупорядоченный характер, то царящий в нем беспорядок, очевидно, скажется на семейной жизни и семейной организации. Далее, государственная власть, добивающаяся полной мобилизации в период, когда страна находится в критическом положении, требует от людей такого самопожертвования, которое затрагивает семейное поведение. Частые случаи раздельного жительства супругов в военное время (обусловленные участием в военной, контрразведывательной, оборонной и прочей деятельности) и ограничения, накладываемые на поездки, почтовую и телефонную связь, средства развлечения и так далее, явно оказывают воздействие на семейное поведение. Само собой разумеется, устанавливаемые государством определенные формы вступления в брачные отношения и их прекращения, законы о наследовании и прочие правовые нормы ставят семейные связи в определенные рамки, но подобные нормы, как правило, определяют общие закономерности и не определяют конкретных форм семейной организации.

... Для выявления перемен в организации и поведении семьи гораздо важнее изучить экономические факторы, которые оказывают значительно более прямое воздействие на семейную организацию. Не случайно, что в наиболее капитальном из предпринятых поныне исследований современной семейной организации в мировом масштабе автор, профессор Колумбийского университета Дж. Гуд, ищет причины изменений в организации семьи прежде всего в сдвигах, происходящих в экономической организации.

В своем труде «Всемирная революция и типы семьи» профессор ⁴⁵Гуд собрал большое число данных, свидетельствующих о том, что некоторые основные типы семейной организации широко совместимы, как оказывается, с современным индустриальным и ур-

банистическим обществом. В этом своем исключительно тщательном исследовании проф. Гуд ясно показывает, что даже в сфере экономики не существует четкой и обязательной причинной связи между той или иной экономической организацией и организацией семейной. Вместе с тем, за некоторыми незначительными и, возможно, временными исключениями, эволюция мира в сторону современного индустриального общества сопровождалась процессом относительного обособления нуклеарной семьи от более широких групп родственников.

Это вовсе не означает, что нуклеарная семья появляется лишь в качестве формы семьи, сопутствующей индустриальному обществу. Действительно, ту же самую форму, относительно обособленную нуклеарную семью, мы обычно встречаем и в обществах, занимающихся охотой и собиранием плодов. При ограниченности ресурсов дичи и съедобных плодов члены общества, живущего за счет охоты и собирательства, должны рассредоточиваться, чтобы получить максимум продуктов питания; как правило, единицей, на которые разбивается группа, является небольшая по размеру первичная семья. Но и в этом случае невозможно предсказать форму семьи только на основе данного экономического факта, потому что в условиях войны нуклеарные семьи в этих охотничьих и собирательских обществах обычно объединяются, образуя большие семьи.

Одной из форм семьи, обладающей значительной устойчивостью, хорошо приспособленной к сравнительно стабильным и упорядоченным аграрным обществам, является одноветвевая семья, - семейная форма, в которой совместно живут три поколения, причем в ее состав входит только один женатый сын, остальные дети после женитьбы покидают родной кров. Благодаря этой форме семьи семейное имение сохраняется в неприкосновенности, так как на принадлежащей семейству земле остается жить только один сын и земельная собственность не дробится на мелкие участки, владельцы которых едва сводят концы с концами или вообще не могут прокормить себя. В одноветвевой семье уже сам тот факт, что один сын наследует недвижимость, а другие - нет, порождает дальнейшие внутрисемейные социальные различия между наследником и его братьями и сестрами.

45

Однако из хорошей приспособленности одноветвевой семьи к стабильному аграрному обществу еще нельзя делать вывод, что в аграрных обществах не встречаются

иные типы семейной организации. Другая разновидность семьи, «объединенная семья», в которой наследство делится между несколькими детьми, может оказаться вполне жизнеспособной там, где земля имеется в изобилии, а численность населения остается примерно на одном уровне. Однако в периоды роста народонаселения, по мере того как семейные участки все больше дробятся при разделе между наследниками и мельчают по размеру, семья зачастую нищает, так что для обеспечения хотя бы прожиточного минимума становится необходимой та или иная форма перераспределения земли или миграция. В общем и целом одноответственная семейная система обычно оказывается лучше приспособленной к стабильному или растущему аграрному обществу и в длительной перспективе имеет тенденцию сохраняться в этом экономическом укладе.

Аналогичным образом было продемонстрировано, что сравнительно обособленная нуклеарная семья является формой семьи, наилучшим образом приспособленной к современному индустриальному обществу. Проф. Гуд, который самым тщательным образом проанализировал имеющиеся данные, пришел к заключению, что распаду более крупных семейных единиц, существовавших до индустриализации, способствовал ряд факторов: 1) индустриальное общество требует физического передвижения лиц из одной местности в другую, и это обычно ограничивает частоту встреч между родственниками и уменьшает сердечность их отношений;

2) в индустриальном обществе имеются возможности для того, чтобы одни члены семьи заняли более высокое общественное положение, чем другие, что порождает различия в стиле жизни братьев и сестер, приводящие к натянутости отношений между ними и ослабляющие родственные связи; 3) развитие в урбанистических индустриальных обществах специализированных служб, предоставляющих гражданам физическую защиту, системы благотворительных фондов и ссуд ослабляют стремление искать опору в семье, что опять-таки снижает потребность в близких отношениях между родственниками; 4) индустриализация порождает новую систему ценностей, выдвигающую на первый план не знатность происхождения, а личные заслуги, в результате чего от человека ожидают, что он будет самостоятельно пробивать себе дорогу и не станет полагаться на родственников; 5) ввиду высокой степени специализации и роста крупных организаций статистически маловероятно, чтобы то или иное лицо имело возможность обеспечить работой своих

родственников.

Из утверждения, что нуклеарная семья является преобладающей формой семьи в современном индустриальном обществе, никак не следует, что ее члены не общаются со своими родственниками. Более того, как показал ряд недавно проведенных исследований, в наиболее индустриализированных странах сплошь и рядом отмечаются относительно частые контакты с родственниками, не входящими в нуклеарную семью. Наиболее крепкие узы между родственниками в современных индустриальных обществах наблюдаются, как правило, между женщинами, в особенности между матерью и дочерью. Если по причине войны или длительной командировки мужчина живет какие-то периоды времени в разлуке с семьей, его жена и дети нередко живут вместе с матерью жены. В Советском Союзе и некоторых других странах, где замужняя женщина обычно работает, значительная часть забот по уходу за детьми выпадает на долю бабушки, которая живет вместе с семьей.

Разумеется, готовность членов нуклеарной семьи продолжать совместную жизнь с родственниками отчасти зависит от наличия удобств, предоставляемых другими учреждениями. Если культурно-бытовое обслуживание не предоставляется семье ни правительством, ни по месту работы мужа, ни какими-либо другими общественными службами, люди могут оказаться вынужденными полагаться на помощь расширенной семьи - фактор, способствующий семейному сплочению.

Экономические условия не только оказывают значительное воздействие на степень отделения первичной семьи от более широкой сети родственников, но и во многом определяют собой отношения внутри семьи. Если, например, отцу не удастся найти хорошую работу, его авторитет и власть в семье оказываются в значительной степени подорванными. Продолжительная безработица, кроме того, сильно подрывает его собственное чувство уверенности по отношению к своей семье. Исследования наименее привилегированных групп в обществе, таких, например, как американские негры, принадлежащие к низшим классам, выявили отсутствие авторитета у отца в условиях длительной безработицы или малоодоходной занятости. И наоборот, если у замужних женщин и детей экономические возможности улучшаются, это тоже отражается на их внутрисемейном статусе, о чем свидетельствует быстрое исчезновение патриархальной власти в семьях некоторых важных групп иммигрантов в Соединенных Штатах. Условия

занятости могут также оказывать влияние и на взаимоотношения мужа и жены. Когда национальные потребности в рабочей силе вынуждают супругов в течение длительных периодов жить раздельно, это не только ослабляет связь между ними, но и обуславливает переход родительской власти к жене, которая, как правило, остается с детьми.

...Не подлежит сомнению, что экономика оказывает глубокое влияние на семейную организацию. Мы уже имеем достаточно данных, чтобы утверждать, что эта связь никоим образом не является односторонней. Выяснилось, например, что определенные виды семейных отношений в свою очередь способствуют экономическому развитию. Эта проблема еще мало изучена, но не подлежит сомнению, что в ближайшие годы социологи, специализирующиеся на изучении семьи, продвинулись вперед в своих исследованиях.

У. ДЖЕЙМС ЛИЧНОСТЬ // Теории личности в западно-европейской и американской психологии. Хрестоматия по психологии личности. - Самара, 1996. - С. 22-39.

Личность и «я». О чем бы я ни думал, я всегда в то же время более или менее осознаю самого себя, свое личное существование. Вместе с тем ведь это я сознаю, так что мое самосознание является как бы двойственным - частью познаваемым и частью познающим, частью объектом и частью субъектом; в нем надо различать две стороны, из которых для краткости одну мы будем называть личностью, а другую - «я». Я говорю «две стороны», а не «две обособленные сущности», так как признание тождества нашего «я» и нашей личности даже в самом акте их различения есть, быть может, самое неукоснительное требование здравого смысла, и мы не должны упускать из виду это требование с самого начала, при установлении терминологии, к каким бы выводам относительно ее состоятельности мы ни пришли в конце исследования. Итак, рассмотрим сначала 1) познаваемый элемент в сознании личности, или, как иногда говорят, наше эмпирическое Ego, и затем 2) познающий элемент в нашем сознании, наше «я», чистое Ego, как выражаются некоторые авторы.

45

А. Познаваемый элемент в личности

Эмпирическое «я» или личность ... в самом широком смысле личность

человека составляет общая сумма всего того, что он может назвать своим: не только его физические и душевные качества, но также его платье, дом, жена, дети, предки и друзья, его репутация и труды, его имение, лошади, его яхта и капиталы. Все это вызывает в нем аналогичные чувства. Если по отношению ко всему этому дело обстоит благополучно - он торжествует; если дела приходят в упадок - он огорчен; разумеется, каждый из перечисленных нами объектов неодинаково влияет на состояние его духа, но все они оказывают более или менее сходное воздействие на его самочувствие. Понимая слово «личность» в самом широком смысле, мы можем прежде всего подразделить анализ ее на три части в отношении 1) ее составных элементов; 2) чувств и эмоций, вызываемых ими (самооценка); 3) поступков, вызываемых ими (заботы о самом себе и самосохранение).

Составные элементы личности могут быть подразделены также на три класса: 1) физическую личность, 2) социальную личность и 3) духовную личность.

Физическая личность

В каждом из нас телесная организация представляет существенный компонент нашей физической личности а некоторые части тела могут быть названы нашими в теснейшем смысле слова. За телесной организацией следует одежда. Старая поговорка, что человеческая личность состоит из трех частей: души, тела и платья, - нечто большее, нежели простая шутка. Мы в такой степени присваиваем платье нашей личности, до того отождествляем одно с другой, что немногие из нас, не колеблясь ни минуты, дадут решительный ответ на вопрос, какую бы из двух альтернатив они выбрали: иметь прекрасное тело, облеченное в вечно грязные и рваные лохмотья, или под вечно новым костюмом скрывать безобразное, уродливое тело. Затем ближайшей частью нас самих является наше семейство, отец и мать, жена и дети - плоть от плоти и кость от кости нашей. Когда они умирают, исчезает часть нас самих. Нам стыдно за их дурные поступки. Если кто-нибудь обидел их, негодование вспыхивает в нас тотчас, как будто мы сами были ⁴⁵на их месте. Далее следует наш домашний очаг, наш home. Происходящее в нем составляет часть нашей жизни, его вид вызывает в нас нежнейшее чувство привязанности, и мы неохотно прощаем гостю, который, посетив нас, указывает недостатки в нашей

домашней обстановке или презрительно к ней относится. Мы отдаем инстинктивное предпочтение всем этим разнообразным объектам, связанным с наиболее важными практическими интересами нашей жизни. Все мы имеем бессознательное влечение охранять наши тела, облекать их в платья, снабженные украшениями, лелеять наших родителей, жену и детей и приискивать себе собственный уголок, в котором мы могли бы жить, совершенствуя свою домашнюю обстановку.

Такое же инстинктивное влечение побуждает нас накапливать состояние, а сделанные нами ранее приобретения становятся в большей или меньшей степени близкими частями нашей эмпирической личности. Наиболее тесно связаны с нами произведения нашего кровного труда. Немногие люди не почувствовали бы своего личного уничтожения, если бы произведение их рук и мозга (например, коллекция насекомых или обширный рукописный труд), созидавшееся ими в течение целой жизни, вдруг оказалось уничтоженным. Подобное же чувство питает скупой к своим деньгам...

Социальная личность

Признание в нас личности со стороны других представителей человеческого рода делает из нас общественную личность. Мы не только стадные животные, не только любим быть в обществе себе подобных, но имеем даже прирожденную склонность обращать на себя внимание других и производить на них благоприятное впечатление. Трудно придумать более дьявольское наказание (если бы такое наказание было физически возможно), чем если бы кто-нибудь попал в общество людей, где на него совершенно не обращали внимания. Если бы никто не оборачивался при нашем появлении, не отвечал на наши вопросы, не интересовался нашими действиями, если бы всякий при встрече с нами намеренно не узнавал нас и обходился с нами как с неодушевленными предметами, то нами овладело бы своего рода бешенство, бессильное отчаяние...

45

Собственно говоря, у человека столько социальных личностей, сколько индивидов признают в нем личность и имеют о ней представление. Посягнуть на это представление - значит, посягнуть на самого человека. Но, принимая во внимание,

что лица, имеющие представление о данном человеке, естественно распадаются на классы, мы можем сказать, что на практике всякий человек имеет столько же различных социальных личностей, сколько имеется различных групп людей, мнением которых он дорожит. Многие мальчики ведут себя довольно прилично в присутствии родителей или преподавателей, а в компании невоспитанных товарищей бесчинствуют и бранятся, как пьяные извозчики. Мы выставляем себя в совершенно ином свете перед нашими детьми, нежели перед клубными товарищами; мы держим, себя иначе перед нашими постоянными покупателями, чем перед нашими работниками; мы - нечто совершенно другое по отношению к нашим близким друзьям, чем по отношению к нашим хозяевам или к нашему начальству. Отсюда на практике получается деление человека на несколько личностей; это может повести к дисгармоничному раздвоению социальной личности, например, в случае, если кто-нибудь боится выставить себя перед одними знакомыми в том свете, в каком он представляется другим; но тот же факт может повести к гармоничному распределению различных сторон личности, например, когда кто-нибудь, будучи нежным по отношению к своим детям, является строгим к подчиненным ему узникам или солдатам...

Добрая или худая слава человека, его честь или позор - это названия для одной из его социальных личностей. Своеобразная общественная личность человека, называемая его честью, - результат одного из тех раздвоений личности, о которых мы говорили. Представление, которое складывается о человеке в глазах окружающей его среды, является руководящим мотивом для одобрения или осуждения его поведения, смотря по тому, отвечает ли он требованиям данной общественной среды, которые он мог бы не соблюдать при другой житейской обстановке...

Духовная личность

Под духовной личностью, поскольку она связана с эмпирической, мы не⁴⁵ разумеем того или другого отдельного преходящего состояния сознания. Скорее, мы разумеем под духовной личностью полное объединение отдельных состояний сознания, конкретно взятых духовных способностей и свойств. Это объединение в

каждую отдельную минуту может стать объектом нашей мысли и вызвать эмоции, аналогичные эмоциям, производимым в нас другими сторонами нашей личности. Когда мы думаем о себе как о мыслящих существах, все другие стороны нашей личности представляются относительно нас как бы внешними объектами. Даже в границах нашей духовной личности некоторые элементы кажутся более внешними, чем другие. Например, наши способности к ощущению представляются, так сказать, менее интимно связанными с нашим «я», чем наши эмоции и желания. Самый центр, самое ядро нашего «я», поскольку оно нам известно, святое святых нашего существа - это чувство активности, обнаруживающееся в некоторых наших внутренних душевных состояниях.

Самооценка

Она бывает двух родов: самодовольство и недовольство собой. Самолюбие может быть отнесено к третьему отделу, к отделу поступков, ибо сюда по большей части относят скорее известную группу действий, чем чувствований в узком смысле слова. Для обоих родов самооценки язык имеет достаточный запас синонимов. Таковы, с одной стороны, гордость, самодовольство, высокомерие, суетность, самопочитание, заносчивость, тщеславие; с другой - скромность, униженность, смущение, неуверенность, стыд, унижение, раскаяние, сознание общественного позора и отчаяние. Указанные два противоположных класса чувствований являются непосредственными, первичными дарами нашей природы.

... можно сказать, что нормальным возбудителем самочувствия является для человека его благоприятное или неблагоприятное положение в свете - его успех или неуспех. Человек, эмпирическая личность которого имеет широкие пределы, который с помощью собственных сил всегда достигал успеха, личность с высоким положением в обществе, обеспеченная материально, окруженная друзьями, пользующаяся славой, едва ли будет склонна поддаваться страшным сомнениям, едва ли будет относиться к своим силам с тем недоверием, с каким она относилась к ним в юности. («Разве я не взрастила сады великого Вавилона?») Между тем лицо, потерпевшее несколько неудач одну за другой, падает духом на половине житейской дороги, проникается болезненной неуверенностью в самом себе и отступает перед

попытками, вовсе не превосходящими его силы...

Заботы о себе и самосохранение. Под это понятие подходит значительный класс наших основных инстинктивных побуждений. Сюда относится телесное, социальное и духовное самосохранение.

Заботы о физической личности. Все целесообразно-рефлекторные действия и движения питания и защиты составляют акты телесного самосохранения. Подобным же образом страх и гнев вызывают целесообразное движение. Если под заботами о себе мы условимся разуметь предвидение будущего в отличие от самосохранения в настоящем, то мы можем отнести гнев и страх к инстинктам, побуждающим нас охотиться, искать пропитание, строить жилища, делать полезные орудия и заботиться о своем организме. Впрочем, последние инстинкты в связи с чувством любви, родительской привязанности, любознательности и соревнования распространяются не только на развитие нашей телесной личности, но и на все наше материальное «я» в самом широком смысле слова.

Наши заботы о социальной личности выражаются непосредственно в чувстве любви и дружбы, в желании обращать на *себя* внимание и вызывать в других изумление, в чувстве ревности, стремлении к соперничеству, жажде славы, влияния и власти; косвенным образом они проявляются во всех побуждениях к материальным заботам о себе, поскольку последние могут служить средством к осуществлению общественных целей...

Мы из сил выбиваемся, чтобы получить приглашение в дом, где бывает большое общество, чтобы при упоминании о каком-нибудь из виденных нами гостей иметь возможность сказать: «А, я его хорошо знаю!» - и раскланиваться на улице чуть не с половиною встречных. Конечно, нам всего приятнее иметь друзей, выдающихся по рангу или достоинствам, и вызывать в других восторженное поклонение... Есть страстные любители предавать свое имя гласности в газетах - им все равно, в какую газетную рубрику попадет их имя, в разряд ли прибывших и выбывших, частных объявлений, интервью или городских сплетен; за недостатком лучшего они не прочь попасть даже в хронику скандалов...

Наш широкий внешний обзор фактов, наблюдаемых в жизни личности, был

бы неполон, если бы мы не выяснили вопроса о соперничестве и столкновениях между отдельными ее сторонами. Физическая природа ограничивает ваш выбор одними из многочисленных представляющихся нам и желаемых нами благ, тот же факт наблюдается и в данной области явлений. Если бы только было возможно, то уж, конечно, никто из вас не отказался бы быть сразу красивым, здоровым, прекрасно одетым человеком, великим силачом, богачом, имеющим миллионный годовой доход, остряком, бонвиваном, покорителем дамских сердец и в то же время философом, филантропом, государственным деятелем, военачальником, исследователем Африки, модным поэтом и святым человеком. Но это решительно невозможно.

... наше довольство собой в жизни обусловлено всецело тем, к какому делу мы себя предназначим. Самоуважение определяется отношением наших действительных способностей к потенциальным, предполагаемым - дробью, в которой числитель выражает наш действительный успех, а знаменатель наши притязания:

$$\text{Самоуважение} = \text{Успех} / \text{Притязание}$$

При увеличении числителя или уменьшении знаменателя дробь будет возрастать. Отказ от притязаний дает нам такое же желанное облегчение, как и осуществление их на деле, и отказываться от притязания будут всегда в том случае, когда разочарования беспрестанны, а борьбе не предвидится исхода...

Наше самочувствие, повторяю, зависит от нас самих. «Приравняй свои притязания к нулю, - говорит Карлейль, - и целый мир будет у ног твоих. Справедливо писал мудрейший человек нашего времени, что жизнь начинается с момента отречения»...

Иерархия личностей

Согласно почти единодушно принятому мнению, различные виды личностей, которые могут заключаться в одном человеке, и в связи с этим различные виды самоуважения человека можно представить в форме иерархической шкалы с физической личностью внизу, духовной - наверху и различными видами материальных (находящихся вне нашего тела) и социальных личностей в

промежутке. Часто природная склонность заботиться о себе вызывает в нас стремление расширять различные стороны личности; мы преднамеренно отказываемся от развития в себе лишь того, в чем не надеемся достигнуть успеха.; Таким-то образом наш альтруизм является «необходимой добродетелью», и циники, описывая наш прогресс в области морали, не совсем без основания напоминают при этом об известной басне про лису и виноград... .

Конечно, это не единственный путь, на котором мы учимся подчинять низшие виды наших личностей высшим. В этом подчинении, бесспорно, играет известную роль этическая оценка, и, наконец, немаловажное значение имеют здесь суждения, высказанные нами о поступках других лиц. Одним из курьезнейших законов нашей (психической) природы является то обстоятельство, что мы с удовольствием наблюдаем в себе известные качества, которые кажутся нам отвратительными у других. Ни в ком не может возбудить симпатии физическая неопрятность иного человека, его жадность, честолюбие, вспыльчивость, ревность, деспотизм- или заносчивость. Предоставленный абсолютно самому себе, я, может быть, охотно позволил бы развиваться этим склонностям и лишь спустя долгое время оценил положение, которое должна занимать подобная личность в ряду других. Но так как мне постоянно приходится составлять суждения о других людях, то я вскоре приучаюсь видеть в зеркале чужих страстей, как выражается Горвич, отражение моих собственных и начинаю мыслить о них совершенно иначе, чем их чувствовать. При этом, разумеется, нравственные принципы, внушенные с детства, чрезвычайно ускоряют в нас появление склонности к рефлексии.

Таким-то путем и получается, как мы сказали, та шкала, на которой люди иерархически располагают различные виды личностей по их достоинству. Известная доля телесного эгоизма является необходимой подкладкой для всех других видов личности. Но чувственный элемент стараются приуменьшить или в лучшем случае уравновесить другими свойствами характера. Материальным видам личностей, в более широком смысле слова, отдается предпочтение перед непосредственной личностью - телом. Жалким существом почитаем мы того, кто не способен пожертвовать небольшим количеством пищи, питья или сна ради общего подъема

своего материального благосостояния. Социальная личность в ее целом стоит выше материальной личности в ее совокупности. Мы должны более дорожить нашей честью, друзьями и человеческими отношениями, чем здоровьем и материальным благополучием. Духовная же личность должна быть для человека высшим сокровищем: мы должны скорее пожертвовать друзьями, добрым именем, собственностью и даже жизнью, чем утратить духовные блага нашей личности.

Во всех видах наших личностей - физическом, социальном и духовном - мы проводим различие между непосредственным, действительным, с одной стороны, и более отдаленным, потенциальным, с другой, между более близоручкой и более дальновидной точками зрения на вещи, действуя наперекор первой и в пользу последней. Ради общего состояния здоровья необходимо жертвовать минутным удовольствием в настоящем; надо выпустить из рук один доллар, имея в виду получить сотню; надо порвать дружеские сношения с известным лицом в настоящем, имея в виду при этом приобрести более достойный круг друзей в будущем; приходится проигрывать в изяществе, остроумии, учености, дабы надежнее стяжать спасение души.

А.Г. МАСЛОУ ДАЛЬНИЕ ПРЕДЕЛЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПСИХИКИ // Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики / пер с англ. - СПб., 1997. - С. 19-21; 23; 32-33; 35-36;38; 41; 66-61; 131-144; 168-161.

Хорошие люди и статистика «лучших»

Я осмеливаюсь заявить, что для изучения возможностей человеческой природы нужно отобрать из популяции ее самые здоровые, самые лучшие экземпляры, такие, которые превосходили бы остальных по многим показателям...

Если задаться вопросом, каковы возможности человека как биологического вида, то вопрос этот следует отнести скорее к небольшой избранной группе людей, нежели ко всей популяции в целом. На мой взгляд, главная причина провала теорий гедонистического и этического толка заключена в том, что философы смешивали патологическое стремление к наслаждению со здоровым и даже не обозначили грань

между нормой и патологией, между биологически здоровым и нездоровым индивидуумами.

Для того, чтобы узнать, насколько высоким может быть человек, совершенно очевидно, что нужно отобрать самых высоких людей и изучить их. Для того, чтобы узнать, как быстро может бегать человек, не нужно выводить среднюю арифметическую скорость всего человечества в целом, - нужно просто взять олимпийских чемпионов по бегу и посмотреть, насколько хорошо это делают они. Если же мы хотим познать возможности духовного и личностного роста человека, его морального развития, то и здесь, я уверен, мы узнаем больше, изучая самых праведных, самых добропорядочных представителей людского рода.

В целом, я полагаю, будет справедливо сказать, что история человечества - это череда свидетельств того, как общество ни во что не ставит отдельного человека. Высочайшие порывы человеческой души практически всегда недооценивались. И даже когда «хорошие люди» - святые, мудрецы, великие деятели эпохи - обращали на себя внимание философов и ученых, то последние редко удерживались от искушения объяснить их духовное превосходство присутствием божественного начала.

Хорошие люди как пример для всех

...я прихожу к выводу, что, выделив качества, отличающие наиболее психологически здоровых индивидуумов от остальных, я пойму, каким должен быть человек. Здесь уместно вспомнить слова Аристотеля: «Если хороший человек говорит, что это хорошо, то это действительно хорошо».

Это эмпирически установленный факт, что люди с высокой степенью самоактуализации гораздо реже основной массы людей сомневаются в себе, меньше размышляют о том, правильно или неправильно они поступают: их нисколько не смущает, что девяносто пять процентов человечества поступает иначе. И должен заметить, что эти люди - во всяком случае те из них, которых изучал я, - обнаружили тенденцию к одинаковой оценке фактов, того, что хорошо и что плохо, как если бы они ощущали некую высшую реальность, лежащую за пределами человеческого сознания, а не основывали свои оценки на житейском опыте, который, как известно,

зачастую страдает однобокостью и предвзятостью. Словом, я использовал их, чтобы они продуцировали ценности, или, лучше сказать, они помогли мне приблизиться к пониманию того, что более всего важно для человека. Говоря другими словами, я сделал следующее допущение: то, что ценно для этих людей, в конце концов станет ценно и для меня; я соглашусь с ними, приму их ценности, как экстраперсональные, универсальные, как нечто такое, что рано или поздно подтвердит жизнь...

Проблема больших проблем

Первая и главная большая проблема заключена в важности и необходимости появления хорошего человека. Человечество должно стать лучше, иначе оно окажется стертым с лица земли или, если обойдется без катаклизмов планетарного масштаба, будет вынуждено жить под постоянной угрозой исчезновения. Главное условие, своего рода *sine qua non*, состоит в четком определении того, что есть хороший человек, и я много раз повторял об этом в своих работах... Проблему создания хорошего человека можно с уверенностью назвать проблемой самоэволюции человека. Нам необходим такой человек, который был бы ответствен за себя и свое развитие, досконально знал самого себя, умел осознавать себя и свои поступки, стремился к полной актуализации своего потенциала и т. д. Во всяком случае, совершенно очевидно, что никакие социальные реформы, никакие, даже самые замечательные конституции, планы и законы не будут работать до тех пор, пока люди не станут достаточно здоровыми, сильными, развитыми, пока они не познают самих себя и не выберут разумный, здоровый способ существования.

Столь же важной и насущной, как и вышеназванная, является проблема создания хорошего общества. Хорошее общество и хороший человек не могут существовать одно без другого. Они необходимы друг другу. Я отбрасываю в сторону вопрос о том, что первично в данном случае - общество или человек. Ясно, что они развиваются одновременно и в тандеме. Невозможно улучшить одно, оставив другое без изменений. Говоря «хорошее общество»⁴⁵ я имею в виду совокупность представителей одного биологического вида! В последнее время появляются утверждения, что решить эту проблему возможно при помощи исключительно социальных, не психологических, мер. В этот вопрос необходимо

сразу внести ясность. Исходя из предпосылки, что человек как таковой не подлежит переделке, и занявшись исключительно социальными преобразованиями, мы не можем быть полностью убеждены, на добрые или на злые дела подтолкнут наши действия этого самого человека. Не следует преувеличивать значение всевозможного рода социальных и благотворительных программ, сами по себе они не могут улучшить общее психическое здоровье общества, хотя моральные качества человека в некоторой степени зависят и от социальных институтов, в которые он включен.

Ключевая идея социального синергизма состоит в том, что общество с примитивной культурой, равно как и общество с высокоразвитой индустрией, зиждется на общей социальной тенденции, на тенденции преодоления дихотомии между эгоизмом и бескорыстием у каждого отдельного члена общества...

Невозможность удовлетворить базовые психологические потребности, такие как потребность в безопасности, любви, уважении, самоуважении, идентичности и самоактуализации, приводит к болезням и разного рода расстройствам, которые принято называть неврозами и психозами. Однако даже люди, в полной мере удовлетворяющие свои базовые психологические потребности, люди, которых с полным основанием можно отнести к разряду самоактуализирующихся личностей, которыми движет стремление к истине, добру, красоте, справедливости, порядку, законности и прочим высоким ценностям, эти люди также могут испытывать депривацию на метамотивационном уровне. Неудовлетворение этих высших, метамотивационных, потребностей, или утрата человеком ценностных ориентиров, приводит к расстройствам, которые я называю общей и частичной метапатологией. Я утверждаю, что эти заболевания продолжают тот же ряд проявлений недостаточности, что и цинга, пеллагра, любовный голод и другие. Поясню. Человеку пришлось столкнуться с неизвестной болезнью, и человек стал искать причину этой болезни - именно таким образом была обнаружена потребность организма, например, в витаминах, минералах и аминокислотах.⁴⁵ Значит, потребностью было сочтено то, недостаток чего привел к болезни. Продолжая эту мысль, я утверждаю, что описанные мною базовые потребности и метапотребности

являются в прямом смысле биологическими потребностями и что их депривация приводит к разного рода заболеваниям. Именно поэтому я и употребляю придуманный мною термин «инстинктоподобный»: на мой взгляд, факты убедительно доказывают, что эти потребности относятся к фундаментальным структурам человеческого организма, что под ними существует некое генетическое основание, пусть даже и очень слабое. И я абсолютно убежден, что рано или поздно мы обнаружим биохимические, неврологические, эндокринные субстраты и органы в человеческом организме, которые объяснят нам на биологическом уровне происхождение этих потребностей и этих заболеваний...

Имеющиеся данные ... уже позволяют нам утверждать, что практически в каждом человеке и уж наверняка в каждом новорожденном ребенке заложено активное стремление к здоровью, заложена тяга к развитию, к актуализации человеческого потенциала. Но, постулировав подобный тезис, мы должны тут же с грустью оговориться, что лишь очень немногие люди реализуют свой потенциал. Лишь небольшая часть населения достигает точки самоидентичности, или «самости», точки полной самоактуализации - даже в нашем обществе, которое является одним из самых благополучных на земле. Вот он, величайший парадокс. В нас от роду заложен импульс к воплощению своей «человечности».

...для исследовательских целей концепция человечности может быть представлена как явление, поддающееся количественному определению. К примеру, можно представить человечность как реестр качеств, а именно, принять утверждение, что человек должен характеризоваться способностью к абстрагированию, умением выражать свои мысли, способностью любить, иметь определенные ценности, уметь переступать через свое «я» (то есть не быть эгоистичным) и прочее, прочее, прочее. При желании можно составить полный перечень обязательных человеческих качеств. Сама мысль о подобной затее может заставить нас содрогнуться, но она может оказаться и полезной, особенно если исследователь будет исходить из предпосылки, что понятие «человечность», будучи одновременно и описательным и количественным, должно сохранить также и нормативную составляющую, что с его помощью можно будет определить, что этот

конкретный человек более человечен по сравнению с другим...

Пути к самоактуализации

Что означает движение к самоактуализации в смысле внешних проявлений, на поведенческом уровне? Я опишу восемь приемов, способных помочь человеку приблизиться к самоактуализации.

Во-первых, самоактуализация - это переживание, переживание всепоглощающее, яркое, самозабвенное, с полной концентрацией и абсолютной погруженностью в него. Это переживание, в котором нет и тени юношеской робости, только в моменты таких переживаний человек воистину становится человеком. Это мгновения самоактуализации, мгновения, - когда человек проявляет свое «Я». В жизни каждого человека случаются такие моменты. И наша задача - помогать своим клиентам испытывать их как можно чаще. Мы в состоянии подтолкнуть их к полной поглощенности чем-то, и это заставит их забыть о привычных позах, о всех защитных масках, поможет не вспоминать о робости и смущении - словом, «сорваться с цепи». Мы обнаружим, каким приятным может быть это состояние для людей. На лице «крутого» молодца, только что напускавшего на себя вид циничного равнодушия, мы заметим бесхитрое простоедушие, даже некую детскость - лицо его озарится невинностью и внутренним светом, он будет поглощен этим моментом и переживанием его. Ключевое слово здесь «самозабвенность». Как часто нашей молодежи недостает ее, она слишком поглощена собой, слишком осознает себя.

Во-вторых, можно представить себе жизнь как бесконечную череду выборов, которые мы должны совершать один за другим. И в каждом случае это выбор между движением вперед и регрессом. Можно выбрать путь в сторону большей защищенности, в направлении полной безопасности, и тягловой силой в этом путешествии будет страх, но можно устремиться к росту и расцвету личности. Если сегодня вы все свои выборы сделали в пользу развития, это значит, что сегодня вы сделали несколько шагов в сторону самоактуализации. **Самоактуализация - это процесс,** он предполагает, что каждый раз, делая выбор, мы выбираем, что достойнее остаться честным, а не лгать, что честнее не красть, чем красть, или,

обобщая, - каждый из вставших перед нами выборов мы совершаем в пользу личностного роста. Это и есть движение к самоактуализации.

В-третьих, уже в самом понятии «самоактуализация» заключается утверждение, что есть некая «самость», подлежащая актуализации. И в самом деле, человек не *tabula rasa*, не бесформенная каменная глыба, не ком глины или пластилина. В человеке всегда что-то заключено, в любой момент он уже состоялся, по крайней мере в своей «хрящевой» структуре. По крайней мере, как биологический индивидуум, со своим темпераментом, биохимическими реакциями и т. д., а следовательно, в нем уже есть некая «самость». То, что я называл «способностью чувствовать внутренние сигналы», позволяет постичь ее. Современный человек (особенно это относится к детям, к молодежи) привык прислушиваться не к своим внутренним сигналам, а к голосам других в себе - к голосу матери, отца, к голосу общества, к голосам старших, к голосу власти или традиций...

В-четвертых, если у вас есть выбор, будьте лучше честными, чем нет. Я вполне прикрылся этой оговоркой «если у вас есть выбор», так что нет нужды обвинять меня в неделикатности. Очень часто, даже имея выбор, мы предпочитаем слукавить. Пациенты психологов и психотерапевтов редко бывают искренни. Они предпочитают продолжать привычные игры и что-то изображать из себя. Их не так-то просто заставить быть искренними перед собой. Попробуйте честно спросить с себя ответ за свои поступки и за свой выбор, и вы обязательно почувствуете и ответственность перед собой. А это уже само по себе огромный шаг на пути к самоактуализации...

В-пятых, до этого мы говорили о самозабвенном переживании, о выборе в пользу развития, о необходимости слушать внутренние сигналы и о пользе честности и ответственности. Все это помогает нам приблизиться к самоактуализации и помогает нам вернее принимать решения. Человек, который, делая выбор, каждый раз выполняет все эти малые условия, вскоре обнаружит, что он тем самым обогащает возможности своего главного выбора и приближается к тому, что ему предписано его судьбой. Он поймет, какова его предназначение, кого

ему держаться, а кого сторониться, какова его миссия. Невозможно быть мудрым в главном, не умея прислушиваться к себе, к своему Я, в каждый конкретный момент жизни, не решаясь твердо сказать себе: «Я не люблю то-то и то-то»...

В-шестых, самоактуализация - это не только конечная станция нашего путешествия, но и само путешествие, и движущая сила его. Это ежеминутная актуализация всех наших чувствуемых и даже лишь предощущаемых возможностей. Например, вы обязательно станете более смысленными, когда узнаете, на что способен ваш интеллект. Самоактуализация непременно задействует интеллектуальные способности человека. Вам не обязательно совершать героические поступки, но нужно быть готовым к ежедневному и кропотливому труду выявления и вскрытия собственных возможностей. Когда пианист мучает гаммы и тянет пальцы в сложных аккордах - он самоактуализируется. Самоактуализация - это работа над тем, к чему вы стремитесь. Решение стать рядовым врачом - не лучший выбор для самоактуализирующейся личности. Обязательно нужно стремиться стать самым лучшим врачом, нужно хотеть в наибольшей степени раскрыть свои возможности.

В-седьмых, высшие переживания - лишь мимолетный момент самоактуализации. Это миг удачи, который нельзя купить, который невозможно организовать, которого не стоит ждать. Человек, по словам Левиса, должен быть «настигнут радостью». Но человек может стремиться стать таким, чтобы как можно чаще переживать эти мгновения высшего торжества. Освобождаясь от иллюзий, отказываясь от ложных идей, постигая свои возможности и свою ограниченность, он лучше поймет самого себя.

В жизни каждого человека обязательно были мгновения высших откровений, но не каждому было дано прочувствовать их. Бывает так, что люди просто не обращают внимания на эти мимолетные мистические праздники души..

Восьмое. Осознав, кто вы такой и что из себя представляете, что вы любите и чего не любите, что хорошо для вас и что плохо, к чему вам нужно стремиться и в чем ваше призвание, - одним словом, вскрыв свою сущность, - вы обнажите и собственную психопатологию. Вы поймете свои защитные механизмы и соберете

все свое мужество, чтобы отказаться от них. Это болезненный процесс, потому что эти механизмы помогают нам не замечать того, что нам неприятно. Но ради результата стоит стерпеть боль. Если психоанализ чему-то и научил нас, так это тому, что репрессия не лучший путь решения проблемы...

Анализ различных значений, в которых употреблялось понятие «бытие»...

Понятие «бытие»...относится к «внутреннему ядру», биологической природе индивидуума - к его базовым потребностям, возможностям, предпочтениям; к его несводимой к меньшему природе, к его «реальному Я», к его врожденной, генетической сущности...

Бытие выступает скорее как «выражение собственной природы»... Под понятием «бытие» подразумевается расслабленная спонтанность, позволяющая глубинной, врожденной натуре проявиться в поведении (умному человеку проявить свой интеллект, а ребенку ребячиться). Истинная спонтанность труднодостижима, большинство людей скорее «актерствуют», - они «стараются» соответствовать тому, что по их мнению ожидается от них, или тому, чего они сами ожидают от себя, вместо того, чтобы позволить себе быть собой. Бытие подразумевает честность, искренность, открытость... «Изображать» бытие, «стараться» быть - не так хорошо, как просто «быть», но все же это лучше, чем не изображать, не стараться, потому что это значит утратить надежду, сдаться...

При каких условиях и какими людьми выбираются или не выбираются ценности бытия?

Выбор в полном смысле свободный, совершенный в соответствии с внутренними, сущностными потребностями человека, возможен только в том случае, если человек вырвется из-под гнета социального давления, если он откажется от подчиненности в пользу независимости, если слабость и страх уступят место зрелости, силе и мужеству, если человек станет знающим и понимающим. Выполнение каждого из этих условий неотвратимо увеличит вероятность выбора в пользу высших ценностей.

Иерархия потребностей, в которой высшие этажи занимают высшие; или экзистенциальные, потребности, в некотором смысле обусловлена иерархией нижележащих базовых потребностей, большей значимостью удовлетворения первичных нужд по сравнению с потребностями развития, победой стремления к гомеостазу над стремлением к росту и т. д. Как правило, когда есть две неудовлетворенные потребности, то выбор делается в пользу удовлетворения более насущной, более сильной из них, то есть в пользу «низшей». Следовательно, не стоит ждать пробуждения высших потребностей до тех пор, пока не будут полностью удовлетворены низшие, более сильные, потребности. Этот вывод позволяет нам многое понять и предвидеть. Например, мы можем предсказать, что человек, который чувствует какую-то опасность, то есть, человек, у которого не удовлетворена первичная потребность в безопасности, в отличие от другого человека, аналогичная потребность которого удовлетворена, реже предпочтет правду лжи, красоту уродству, а добродетель - дурному.

Это подразумевает новый взгляд на старую проблему: чем именно «высокая» радость (например, музыка Бетховена) лучше «низшей» (например, музыки Элвиса Пресли)? Как доказать ее превосходство человеку, «остановившемуся» на низшем уровне? Возможно ли вообще научить подобной разборчивости, и в частности можно ли научить ей человека, не желающего учиться?

Почему возникает это «сопротивление» высшим ценностям? Мне кажется, главная причина (в дополнение ко всему сказанному выше) заключена в следующем. Никто, кто хоть раз испытал удовольствие от высокого, не сможет оспорить, что оно лучше низкого. Но, как я говорил выше, для совершенно свободного выбора необходимо создать такие условия, чтобы человек мог полностью и без принуждения сравнить предлагаемые ему возможности. Личностный рост как таковой возможен только потому, что «высшие» удовольствия действительно лучше «низших», и только потому, что человеку становится скучно удовлетворять лишь низшие свои потребности...

Культура, господствующая в обществе, помимо очевидного воздействия на процесс формирования потребностей, определяет и общественную оценку того или

иного выбора; это может относиться к карьере, к питанию и тому подобным вещам. Таким же специфичным образом влияют на нас экономические условия и уровень индустриализации общества; к примеру, высокотехнологичные, агрессивные, стремящиеся захватить рынок корпорации могут с успехом снабжать нас недорогой и качественной одеждой или стремиться удовлетворить наши потребности в хороших, экологически чистых продуктах питания, вроде хлеба без химических добавок, говядины от здоровых коров, гормонально чистой птицы и т. п.

Подводя итог, можно сказать, что высшие потребности и высшие ценности чаще актуализируются людьми 1) более здоровыми и зрелыми; 2) более взрослыми; 3) более сильными и независимыми; 4) более храбрыми; 5) более образованными и т. д. А одним из условий, способствующих уверенному выбору в пользу высших ценностей, является отсутствие непомерного давления со стороны общества.

Для тех, кому становится не по себе от таких слов, как «хорошее» и «плохое», «низшее» и «высшее» (хотя эти слова могут быть определены операционально), можно пересказать все вышесказанное иными словами. Представьте себе марсианина (в смысле не человека), вопрошающего нас: «Кто из вас, люди, когда и при каких условиях скажет правду вместо того, чтобы солгать, предпочтет решимость, а не растерянность, устремится к завершению дела вместо того, чтобы бросить его на полдороге, выберет закон вместо анархии?»

Есть и другой извечный вопрос, который также просится, чтобы его сформулировали попроще: Человек по сути своей хорош или плох? Неважно даже, что именно мы будем иметь в виду, говоря «хорош» и «плох», - всем нам прекрасно известно, что человек движим и хорошими и дурными позывами, что человек способен как на хорошие, так и на дурные поступки. (Пусть даже это не помогает нам ответить на вопрос, что - дурное или все-таки хорошее - является более глубинным, более основным, более инстинктоподобным в человеке.) Для наших, научных, исследовательских целей лучше будет переформулировать этот же вопрос следующим образом: Каковы должны быть условия в обществе и в окружении человека, чтобы он, совершив выбор в пользу высших ценностей, был сочтен «хорошим»? Что препятствует, а что способствует выбору в пользу высших

ценностей? Каким должно быть общество, чтобы благоприятствовать такому выбору? Каким должно быть образование? Психотерапия? Семья? Поставив вопрос таким образом, в скором времени нам захочется спросить: Как нам «улучшить» человека? Как нам улучшить общество?

3. ФРЕЙД О КУЛЬТУРЕ¹ // Мир философии: Книга для чтения. 4.2. Человек. Общество. Культура. - М., 1991. - С. 285-300.

...Термин «культура обозначает всю сумму достижений и институций, отличающих нашу жизнь от жизни наших предков из животного мира и служащих двум целям: защите человека от природы и урегулированию отношений между людьми. Для лучшего понимания рассмотрим подробно характерные черты культуры, какими они себя проявляют в человеческих коллективах...

В качестве отнюдь не маловажной характерной черты культуры мы должны принять во внимание способ, каким регулируются отношения людей между собой, т. е. социальные отношения, касающиеся человека как соседа, как вспомогательной рабочей силы, как чьего-нибудь сексуального объекта, как члена семьи или государства. В этой сфере будет особенно трудно отрешиться от определенных идеальных требований и выделить то, что относится к культуре, как таковой. Быть может, следовало бы начать с утверждения, что фактор культуры появляется с первой же попытки установить эти социальные взаимоотношения. Если бы не было такой попытки, эти взаимоотношения подчинились бы своеволию каждой отдельной личности, т. е. устанавливались бы в зависимости от физической силы этой личности и согласно ее интересам и влечениям. Положение не менялось бы от того, что эта сильная личность наталкивалась бы в свою очередь на личность еще более сильную. Совместная человеческая жизнь становится возможной только тогда, когда образуется некое большинство, более сильное, чем каждый в отдельности, и стойкое в своем противопоставлении каждому в отдельности. Власть такого коллектива противостоит тогда, как «право», власти отдельного человека, которая осуждается как «грубая сила». Эта замена власти отдельного человека властью коллектива и есть решительный шаг на пути культуры. Сущность этого шага заключается в том, что члены коллектива ограничивают себя в своих

¹ Название фрагмента дано составителями хрестоматии

возможностях удовлетворения, в то время как отдельный человек не признает этих рамок. Первое требование культуры заключается, следовательно, в требовании справедливости, т. е. гарантии того, что раз установленный правовой порядок не будет вновь нарушен в чью-либо индивидуальную пользу. Но этим еще не решается вопрос об этической ценности такого права. Дальнейшее культурное развитие как будто бы направлено на то, чтобы такого рода право не стало волеизъявлением небольшого коллектива - касты, прослойки населения, племени, - правом коллектива, который по отношению к другим, может быть даже более многочисленным массам, не занял бы позицию, подобную индивидуального насильника. Конечным результатом должно явиться право, в создании которого участвовали бы все (по меньшей мере все способные к общественному объединению), пожертвовавшие своим инстинктом; право (с тем же ограничением), которое не позволяет никому стать жертвой грубой силы.

Индивидуальная свобода не есть достижение культуры. Она была максимальной еще до всякой культуры, правда, тогда она не имела большой цены, так как единичный человек едва ли был в состоянии ее защитить. Развитие культуры налагает ограничения на эту свободу, а справедливость требует, чтобы от этих ограничений никому нельзя было уклониться. То, что в человеческом обществе проявляется как жажда свободы, может быть направлено на борьбу с существующей несправедливостью и в этом смысле быть благоприятным для дальнейшего развития культуры. Но это же может брать свое начало в недрах первобытной, неукрошенной культурой личности и тогда быть враждебным самим основам культуры. Жажда свободы, таким образом, или направлена против отдельных форм и притязаний культуры, или - вообще против культуры. Едва ли какое-либо воздействие может позволить преобразовать природу человека в природу термита, он, вероятно, всегда будет защищать, вопреки воле масс, свое притязание на индивидуальную свободу. Значительная часть борьбы человечества концентрируется вокруг одной задачи - найти целесообразное, т.е. счастливое, равновесие между индивидуальными требованиями и культурными требованиями масс; одна из роковых проблем человечества заключается в том, достижимо ли это равновесие при помощи определенной организации человечества или этот ⁴⁵ конфликт останется непримиримым.

...Если в деле покорения природы человечество шло путем постоянного прогресса и

вправе ожидать еще большего в будущем, то трудно констатировать аналогичный прогресс в деле упорядочения человеческих взаимоотношений, и, наверное, во все эпохи, как опять же и теперь, многие люди задавались вопросом, заслуживает ли вообще защиты эта часть приобретений культуры. Хочется думать, что должно же быть возможным какое-то переупорядочение человеческого общества, после которого иссякнут источники неудовлетворенности культурой, культура откажется от принуждения и от подавления влечений, так что люди без тягот душевного раздора смогут отдаться добыванию благ и наслаждению ими. Это был бы золотой век, спрашивается только, достижимо ли подобное состояние. Похоже, скорее, что всякая культура вынуждена строиться на принуждении и запрете влечений; неизвестно еще даже, будет ли после отмены принуждения большинство человеческих индивидов готово поддерживать ту интенсивность труда, которая необходима для получения прироста жизненных благ. Надо, по-моему, считаться с тем фактом, что у всех людей имеют место деструктивные, то есть антиобщественные и антикультурные, тенденции и что у большого числа лиц они достаточно сильны, чтобы определить собою их поведение в человеческом обществе.

Этому психологическому факту принадлежит определяющее значение при оценке человеческой культуры. Если вначале еще можно было думать, что главное в ней - это покорение природы ради получения жизненных благ и что грозящие ей опасности устранимы целесообразным распределением благ среди людей, то теперь центр тяжести переместился, по-видимому, с материального на душевное. Решающим оказывается, удастся ли и насколько удастся уменьшить тяжесть налагаемой на людей обязанности жертвовать своими влечениями, примирить их с неизбежным минимумом такой жертвы и чем-то ее компенсировать. Как нельзя обойтись без принуждения к культурной работе, так же нельзя обойтись и без господства меньшинства над массами, потому что массы косны и недалекновидны, они не любят отказываться от влечений, не слушают аргументов в пользу неизбежности такого отказа, и индивидуальные представители массы поощряют друг в друге вседозволенность и распущенность. Лишь благодаря влиянию образцовых индивидов, признаваемых ими в качестве своих вождей, они дают склонить себя к ⁴⁵напряженному труду и самоотречению, от чего зависит существование культуры. Все это хорошо, если вождями становятся личности с незаурядным пониманием жизненной необходимости, сумевшие

добиться господства над собственными влечениями. Но для них существует опасность, что, не желая утрачивать своего влияния, они начнут уступать массе больше, чем та им, и потому представляется необходимым, чтобы они были независимым от массы как распорядители средств власти. Короче говоря, люди обладают двумя распространенными свойствами, ответственными за то, что институты культуры могут поддерживаться лишь известной мерой насилия, а именно люди, во-первых, не имеют спонтанной любви к труду и, во-вторых, доводы разума бессильны против их страстей.

Я знаю, что можно возразить против этих соображений. Мне скажут, что обрисованные здесь черты человеческой массы, призванные доказать неизбежность принуждения для культурной деятельности, сами лишь следствие ущербности культурных институтов, по вине которых люди стали злыми, мстительными, замкнутыми. Новые поколения, воспитанные с любовью и приученные высоко ценить мысль, заблаговременно приобщенные к благодеяниям культуры, по-иному и отнесутся к ней, увидят в ней свое интимнейшее достояние, добровольно принесут ей жертвы, трудясь и отказываясь от удовлетворения своих влечений необходимым для ее поддержания образом. Они смогут обойтись без принуждения и будут мало чем отличаться от своих вождей. А если ни одна культура до сих пор не располагала человеческими массами такого качества, то причина здесь в том, что ни одной культуре пока еще не удавалось создать порядок, при котором человек формировался бы в нужном направлении, причем с самого детства.

Можно сомневаться, мыслимо ли вообще или по крайней мере сейчас, при современном состоянии овладения природой, достичь подобной реорганизации культуры; можно спросить, где взять достаточное число компетентных, надежных и бескорыстных вождей, призванных выступить в качестве воспитателей будущих поколений; можно испугаться чудовищных размеров принуждения, которое неизбежно потребует для проведения этих намерений в жизнь. Невозможно оспаривать величие этого плана, его значимость для будущего человеческой культуры. Он, несомненно, покоится на понимании того психологического обстоятельства, что человек наделен многообразнейшими задатками влечений, которым ранние детские переживания придают окончательную направленность. Пределы человеческой воспитанности ставят, однако, границы действительности подобного преобразования культуры. Можно только гадать, погасит ли и в какой мере иная культурная

среда оба вышеназванных свойства человеческих масс, так сильно затрудняющих руководство обществом. Соответствующий эксперимент еще не осуществлен. По всей вероятности, определенный процент человечества - из-за болезненных задатков или чрезмерной силы влечений - навсегда останется асоциальным, но если бы удалось сегодняшнее враждебное культуре большинство превратить в меньшинство, то было бы достигнуто очень многое, пожалуй, даже все, чего можно достичь...

Мера интериоризации предписаний культуры - популярно и ненаучно выражаясь, нравственный уровень ее участников,- не единственное духовное благо, которое надо принимать в расчет при оценке культуры. У нее есть и другое богатство - идеалы и творения искусства, то есть виды удовлетворения, доставляемые теми и другими.

Мы слишком склонны причислять идеалы той или иной культуры - то есть ее оценку того, что следует считать высшим и наиболее престижным достижением - к ее психологическому достоянию. При первом приближении кажется, будто этими идеалами определяются успехи культуры; реальная зависимость может быть, однако, иной: идеалы формируются после первых успехов, которым способствует взаимодействие внутренних задатков с внешними обстоятельствами, и эти первые успехи фиксируются в идеале, зовущем к их повторению. Удовлетворение, которое идеал дарит участникам культуры, имеет тем самым нарциссическую природу, оно покоится на гордости от уже достигнутых успехов. Для своей полноты оно требует сравнения с другими культурами, ринувшимися к другим достижениям и сформировавшим другие идеалы. В силу таких различий каждая культура присваивает себе право презирать другие. Таким путем культурные идеалы становятся поводом к размежеванию и вражде между различными культурными регионами, что всего отчетливее наблюдаются между нациями.

Нарциссическое самодовольство собственным идеалом тоже относится к тем силам, которые успешно противодействуют внутри данного культурного региона разрушительным настроениям. Не только привилегированные классы, наслаждающиеся благодеяниями своей культуры, но и угнетенные могут приобщаться к этому удовлетворению, поскольку даруемое идеалом право презирать чужаков вознаграждает их за униженность⁴⁵ в своем собственном обществе. Пусть я жалкий, задавленный долгами и воинской повинностью плебей, но зато я римлянин, имею свою долю в общей задаче покорять другие народы и предписывать им

законы. Такая идентификация угнетенных с классом своих правителей и эксплуататоров есть опять же лишь частичка более широкой картины. С другой стороны, угнетаемые могут быть аффективно привязаны к угнетателям, видеть в своих господах, вопреки всей враждебности, воплощение собственных идеалов. Не сложись между ними таких, в сущности, взаимно удовлетворяющих отношений, оставалось бы непонятным, почему столь многие культуры, несмотря на оправданную враждебность к ним больших человеческих масс, продержались столь долгое время.

Другого рода удовлетворение доставляет представителям того или иного культурного региона искусство, правда, как правило, не доступное массам, занятым изнурительным трудом и не получившим индивидуального воспитания. Искусство, как мы давно уже убедились, дает эрзац удовлетворения, компенсирующий древнейшие, до сих пор глубочайшим образом переживаемые культурные запреты, и тем самым как ничто другое примиряет с принесенными им жертвами. Кроме того, художественные создания, давая повод к совместному переживанию высоко ценимых ощущений, вызывают чувства идентификации, в которых так остро нуждается всякий культурный круг; служат они также и нарциссическому удовлетворению, когда изображают достижения данной культуры, впечатляющим образом напоминая о ее идеалах...

И. ХЕЙЗИНГА ОСНОВНЫЕ УСЛОВИЯ КУЛЬТУРЫ // И. Хейзинга Homo Ludens. В тени завтрашнего дня: пер. с нидерл. / Общ. ред. и послесл. Г. М. Тавризян. - М.; 1992. -С. 258-264.

...Слово «культура», как оно всеми употребляется, вряд ли может быть чревато каким-либо недоразумением. Всем приблизительно известно, что хотят этим словом сказать. Однако выясняется, что очень трудно определить его значение в точности. Что это такое - культура, в чём она состоит? Почти невозможно дать такую дефиницию, которая бы целиком исчерпала всё содержание этого понятия. С другой стороны, нетрудно перечислить важнейшие условия и черты, которые должны наличествовать для формирования феномена, именуемого культурой.

В первую очередь, культура требует известного равновесия духовных и материальных

ценностей. Это равновесие создает предпосылки для развития такого состояния общества, которое оценивается всеми как нечто большее и высшее, чем простое удовлетворение голой нужды или откровенного властолюбия. Выражение «духовные ценности» охватывает здесь области духовного, интеллектуального, морального и эстетического. Чтобы понятие культуры было тут применимо, между всеми названными нематериальными сферами тоже должно существовать некое равновесие или гармония. Говоря об определенном равновесии, а не об абсолютной высоте, мы тем самым сохраняем за собой право оценивать в качестве культуры также и ранние, более неразвитые либо примитивные стадии, не впадая таким образом в одностороннее предпочтение высокоразвитых культур или в одностороннюю переоценку отдельно взятого культурного фактора, будь то религия, искусство, право, государственный строй или нечто другое. Состояние равновесия заключается прежде всего в том, что различные сферы культурной деятельности реализуют, каждая в отдельности, но все в рамках целокупности, возможно более эффективную жизненную функцию. Если есть такая гармония культурных функций, то она неизбежно проявится в порядке, мощном сочленении частей, стиле, ритмической жизни данного общества.

Само собой понятно, что при исторической оценке культур субъекту суждения столь же трудно отвлечься от общепринятых норм, как и при оценке собственного окружения. Всегда одно качество будет рассматриваться как желательное, другое - как нежелательное. Следует при этом заметить, что общая оценка культуры как высокой или низкой определяется, по-видимому, в глубине своей не интеллектуальным и не эстетическим мериллом, а этическим и духовным. Культура может называться высокой, если даже она не создала техники или скульптуры, но ее так не назовут, если ей не хватает милосердия.

Вторая основная черта культуры следующая: всякая культура содержит некое стремление. Культура есть направленность, и направлена культура всегда на какой-то идеал, а именно на идеал, выходящий за рамки индивидуального, на идеал сообщества. Идеал может быть самого разного рода. Он может быть чисто духовным - блаженство, близость к Богу, отрешение от всех земных уз либо знание - логическое или мистическое: знание естественной природы, знание своего «я» и духа, знание божественной природы.⁴⁵ Идеал может быть общественным: честь, благородство, почёт, власть, - но все это всегда - по отношению к обществу. Он может быть экономическим: богатство, благоденствие - либо гигиеническим:

здоровье. Для носителей культуры идеал всегда означает «благо». «Благо сообщества, благо здесь или где-то, теперь или потом».

Имеется ли в виду потусторонняя жизнь или ближайшее земное будущее, мудрость или благосостояние, условием для стремления к этому идеалу или для его достижения всегда служит безопасность и порядок. Требование порядка и безопасности повелительно предписывается всякой культуре самой её сущностью, её свойством быть тенденцией, стремлением к чему-либо, направленностью на что-то. Из требования порядка вырастает всё, что относится к власти, из потребности в безопасности - всё, что относится к праву. В сотнях разновидностей политических и правовых систем формируются все новые и новые группы людей, чьё стремление к благу выражает себя в культуре.

Конкретнее и позитивнее, чем обе вышеназванные основные черты культуры - её равновесие и направленность, - представляется третья её черта - собственно говоря, первая исконная особенность, отличающая всякую настоящую культуру. Культура означает господство над природой. Культура зачинается в ту самую минуту, когда человек узнает, что его рука, вооружась грубым каменным долотом, способна делать вещи, ранее человеку недоступные. Он подчинил себе на благо частицу природы. Он господствует над природой, враждебной и дарующей. Он овладел орудием труда, он стал *homo faber*. Он использует эти силы для удовлетворения той или иной жизненной потребности, для изготовления, например, инструмента, для защиты себя и своих ближних, для умерщвления охотничьей добычи, хищного зверя или врага. Отныне он меняет ход природной жизни, ибо все последствия, которые повлекло за собой открытое им орудие, без этой силы просто бы не наступили.

Если бы эта черта - господство над природой - была единственным условием существования культуры, то не было бы оснований отказывать в культуре муравьям, пчелам, птицам, бобрам. Ведь все они используют предметы природы себе на потребу, превращая их в нечто другое. Дело зоопсихологии разобраться, насколько в этой деятельности уже присутствует представление о цели, стремление к благу. Если так оно и есть, то признание культуры за животным миром всё же будет наталкиваться на вполне определенную логическую реакцию, а именно, что термин «культура» здесь неуместен.⁴⁵ Культурная пчела или культурный бобр - это не годится, в таком представлении есть что-то абсурдное. Дух не так легко вынести за скобки, как некоторым кажется.

В самом деле, если господствовать над природой значит строить, стрелять, жарить, то это ещё только половина дела. Богатое слово «природа», «natura», означает также и природу человека, человеческую натуру, и ею тоже надо овладеть. Уже на простейших, начальных стадиях общества человек осознает за собой некий долг. У животного, которое кормит и защищает своего детеныша, в этой функции ещё нельзя предполагать подобное сознание, хотя животное и трогает нам душу, выполняя эту свою функцию. Только в человеческом сознании функция заботы о потомстве превращается в обязанность, в долг. Этот долг объясняется лишь в малой степени естественными отношениями, такими, как материнство и защита семьи. Долженствование распространяется уже на ранней стадии в форме табу, условностей, правил поведения, культовых представлений...

Если теперь подытожить, что здесь было выдвинуто в качестве общих основных условий и основных черт культуры, то более приближенное описание понятия культуры, которое, как уже говорилось, не претендует на достоинства точной дефиниции, могло бы выглядеть следующим образом. Культура как направленная позиция общества дана тогда, когда подчинение природы в области материальной, моральной и духовной поддерживает такое состояние общества, которое выше и лучше обеспечиваемого наличными природными отношениями, отличается гармоническим равновесием духовных и материальных ценностей и характеризуется определенным идеалом, гомогенным в своей сущности, на который ориентированы различные формы деятельности общества.... Культура предполагает освоение природы, господство над природой. Эта предпосылка, судя по всему, действительно реализована, притом в таких масштабах, которых доселе не знала ни одна из нам известных цивилизаций. Силы, о самом существовании которых вряд ли даже подозревали в прошлом столетии, чья природа и возможности были совершенно неведомы, запряженные теперь в ярмо человеческой волей, тысячью способов простирают свое могущество в такие дали и в такие глубины, о которых предшествующее поколение и не мечтало. И поныне чуть ли не каждый день продолжается открытие неизведанных сил природы и средств овладения ими...

Но как обстоит дело с овладением человеческой природой? Не говорите здесь о триумфах психиатрии и социального обеспечения или борьбе с преступностью.⁴⁵ Овладение *человеческой природой может* значить лишь одно: человечество, которое владеет собой, лично каждый индивидуум. Владеет ли собой современное человечество? Или хотя бы,

поскольку совершенство ему не дано, достигает ли человечество этого пропорционально своему безгранично возросшему господству над материальной природой? Отважился бы кто-нибудь утверждать подобное! Не кажется ли нам скорее, что человеческая натура, пользуясь свободой, которую принесло ей господство над материальным миром, отказывается подчинить себе себя самое и отвергает все те завоевания духа, что казались ей превосходящими природу? От имени прав человеческой природы всюду ставится под сомнение обязывающий авторитет универсального нравственного закона. Такое предварительное условие культуры, как подчинение природы, господство над природой, выполнено лишь наполовину.

Ещё ничего не сделано для выполнения второго условия существования культуры, а именно что культура должна быть пронизана одним гомогенным, в главном, стремлением. Жажда блага, движущая каждым сообществом и каждым отдельным человеком, принимает сотни форм. Каждая группа стремится к своему собственному благу, без того, чтобы эти частные, групповые стремления к благу сливались в единый, превосходящий всё и вся идеал. Но лишь наличие подобного всеобщего идеала, будь то достижимый либо иллюзорный идеал, может способствовать полному раскрытию понятия «современная культура»; хотя в последнюю и можно вкладывать самый широкий смысл. Так, прошлые эпохи выставляли в качестве общепризнанного идеала славу божью, как бы она ни толковалась: добродетель, справедливость, мудрость. Туманные и устаревшие метафизические понятия, говорит нам дух времени. Но с упразднением таких понятий попадает под сомнение само единство культуры. Ибо то, что заняло её место, есть всего лишь совокупность взаимопротиворечащих желаний. Термины, связующие воедино все современные культурные устремления, можно найти только в ряду «благоденствие, могущество, безопасность» (мир и порядок тоже входят в этот ряд) - все эти идеалы больше годятся, чтобы разделять, а не объединять, и все непосредственно вытекают из природного инстинкта, не облагороженного духом. Эти идеалы были знакомы уже пещерным людям.

В настоящее время много говорят о национальных культурах и классовых культурах, иначе говоря, подчиняют понятие культуры идеалу ⁴⁵ благоденствия, могущества и безопасности. Такой субординацией понятие культуры фактически переводится на животный уровень, где оно теряет свой смысл. Поступая таким образом, забывают о парадоксальном, но

на основе всего вышесказанного неопровержимом заключении, что для понятия культуры лишь там есть место, где определяющий её направленность идеал выходит за пределы и поднимается выше интересов сообщества, которое этот идеал провозглашает. Культура должна быть метафизически ориентированной, либо её нет вообще...

ТАХТАРЕВ К.М. ОСОБЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ // Социология в России XIX - начала XX веков. Социология как наука. Тексты / Под ред. В.И. Добренькова. - М., 1997. - С. 213-225.

Методы социологии, суть научные приёмы социологической работы, из которых некоторые общи всему естествознанию, другие составляют особенность общественной науки. Научные приемы, общие всему естествознанию, суть: наблюдение и опыт, анализ, сопоставление и сравнение, умозаключение и вывод, классификация и систематизация, предположение и проверка, обобщение и установление общих положений, одним словом, всё то, что входит в состав индуктивно-дедуктивного научного метода.

Способы социологической работы, представляющие свои особенности, суть методы: сравнительно-эволюционный, статистико-социологический и некоторые другие...

1. Сравнительно-эволюционный метод

Сравнительно-эволюционный социологический метод, как и аналитический, был применяем к исследованию явлений общественной жизни ещё Аристотелем. Он же определил впервые и саму сущность эволюционного метода - изучать все общественные явления в их развитии...

Некоторую разновидность этого метода представляет собой метод сравнительно-исторический.

Сравнительно-исторический метод есть методом которым обыкновенно пользуются все историки, стремящиеся выяснить научным образом историю того или иного общественного учреждения. В новейшее время метод этот получил самое широкое распространение у историков общественных учреждений и у представителей сравнительного правоведения.

Метод этот в высшей степени плодотворен и для социологических исследований, но его должное употребление требует соблюдения определённых правил, которые были прекрасно выяснены М.М. Ковалевским. Правила эти говорят о том, что для исследования

любого общественного учреждения необходимо брать для сравнения только те его формы, которые строго соответствуют одной и той же ступени общественного развития. Только сравнивая вполне однородные явления, формы вполне соответствующие определённой ступени развития общества, можем мы, несмотря на всевозможные их частные особенности, открывать в них те общие черты, которые дают нам возможность составить полное, общее и правильное научное представление о том или другом явлении или учреждении.

Это правило применения сравнительно-исторического метода обнаруживает всё его родство социологическому сравнительно-эволюционному методу, сущность которого именно и заключается в том, чтобы выяснять различные общественные явления посредством научного сравнения их на определённых и последовательных ступенях их постепенного развития. Некоторым дополнением сравнительно-эволюционного метода служит метод пережитков и метод тенденций.

2. Метод пережитков

Метод пережитков заключается в исследовании и выяснении остатков прежних учреждений сохраняющихся в общественной жизни того или другого народа. Таковы многие древние обычаи и обряды, которые продолжают соблюдаться и в настоящее время, когда соблюдение их уже не имеет никакого смысла и уже утеряно само понимание их действительного прежнего значения. Но, не имея никакого действительного значения для жизни соблюдающего их народа, обычаи эти, сохраняющиеся в виде пережитков, имеют весьма важное научное значение. Оно заключается в том, что наличность пережитков того или другого учреждения у самых различных народов позволяет нам смотреть на это учреждение не как на особенность того народа, у которого оно ещё господствует, но как на учреждение, которое когда-то было в силе и у других народов, когда они находились на ступени общественного развития; которой соответствует данное учреждение. Таковы, например, различные формы землепользования и землевладения как общинного, так и частного, таковы и пережитки веча и феодализма, таковы некоторые брачные обычаи, например так называемый хищнический брак, сохранившийся у одних народов в виде известного обычая и обряда, у других только в песнях и преданиях...

Метод пережитков, который обосновал английский антрополог Эдуард Ташюр, в настоящее время служит очень важным дополнением сравнительно-эволюционного и

сравнительно-исторического метода. Он даёт социологу возможным образом понять многие из тех общественных явлений, значение которых уже давно утеряно для большинства людей, смотрящих на эти явления как на непонятные несообразности современной жизни. Эти несообразности, понятные как пережитки прошлого, служат могущественным средством установить общность проходимых ступеней общественного развития даже тех народов, в жизни которых от этих ступеней развития остались лишь самые жалкие остатки, пережитки.

3. Метод тенденций

Но не все несообразности в жизни, обычаях и учреждениях того или. другого народа могут быть объяснены как пережитки прошлого. Некоторые явления, несообразные с господствующими учреждениями, говорят нам не о пережитках прошлого, а о новейших ещё недостаточно ясно обнаружившихся стремлениях современности. Таково, например, явление обобществления, происходящее в различных областях жизни современных народов. Оно говорит нам о новейшем направлении в развитии экономических и имущественных отношений...

Метод изучения дальнейшего развития общественной жизни посредством исследования проявляющихся в ней тенденций или стремлений мы называем методом тенденций. Метод тенденций во многих отношениях схож с методом пережитков, хотя и представляет полную его противоположность как орудие научного исследования не прошлого, а будущего, проявляющегося в данный момент лишь в тенденциях дальнейшего развития современности, не в пройденных, только намечающихся ступенях развития общества и личности.

4. Метод диалектический

Развитие общественной жизни обуславливается многими причинами, которые делают ход её развития волнообразным.

Равномерность общественного развития подвергается бесконечным колебаниям, которые производятся различными открытиями, изобретениями, волнами их распространения и сменой всевозможных общественных форм.

Общественная жизнь как совокупная жизнедеятельность и ⁴⁵общение личностей, различных общественных групп и целых человеческих обществ неизбежно сопровождается их взаимной борьбой за своё существование. И эта борьба постоянно возмущает равномерный

ход социальной эволюции, который кажется полным всяческих общественных противоречий.

Эти общественные противоречия и смена самих противоположных форм в развитии различных сторон жизни побуждает рассматривать социальный процесс подобно ходу диалектического мышления, совершающегося посредством переходов от положений, через противоположение к новым положениям, путём противоположностей, контрастов.

Общественная жизнь нередко делает скачки, которые следуют обыкновенно за задержками её замедленного хода. Эти задержки её, если они сильны, могут приводить к такому напору задержанного общественного движения, которое может выразиться во взрыве, каким бывает любая революция.

С другой стороны в развитии общественной жизни мы постоянно наблюдаем смену самых различных общественных укладов, систем хозяйств, права, политических систем и проч. Всё это побуждает смотреть на диалектический способ мышления как на некоторое дополнение к обычному пониманию эволюции, как постепенного и медленного развития. Диалектический метод дополняет в этом отношении метод эволюционный...

5. Метод аналогический

Метод аналогический есть метод мышления посредством уподобления одних явлений другим более обычным и понятным нам. Таково, например, уподобление общества организму. Само собою разумеется, что этот метод уподоблений, уподоблений часто весьма поверхностных, не может считаться научным методом. Он не столько стремится выяснить понимание явления, сколько сделать его наглядным...

6. Метод статистико-социологический

Статистико-социологический метод есть статистический метод массового наблюдения, применённый к исследованию явлений общественной жизни. При массовом наблюдении явлений все противоречивые случайности, обуславливающие особенности того или другого отдельного явления, его отличия от обычного, как бы исчезают в подавляющей массе обыкновенных случаев, и при этом выступают на первый план и обнаруживают действие производящие их явления причины, имеющие характер не случайный, а постоянный.

Последовательным социологическим исследованием можно ⁴⁵выяснить и определить эти причины и их действия, которые обуславливают известный вид закономерности того или другого социологического явления.

Научный анализ массовых явлений общественной жизни, сопоставление, сравнение, классификация и систематизация их даёт возможность сводить их в целые ряды однородных фактов, связанных друг с другом одними и теми же определёнными сводными признаками, обусловленных одними и теми же причинами. Само собой понятно, что, чем большее число случаев обнимается данным массовым наблюдением, тем вернее можем мы судить о постоянных причинах, их вызывающих, и тем с большей вероятностью и точностью можем мы делать наши выводы относительно закономерности данного явления... Статистический метод есть самое подходящее научное орудие для изучения самых различных явлений общественной жизни с точки зрения их повторяемости. Для установления её закономерности он имеет первостепенное значение. Правда, указывая на повторяемость явлений, на их закономерность, статистический метод сам по себе не даёт объяснения этой закономерности. С помощью обыкновенного *статистического* метода мы можем только установить, что такое-то явление закономерно повторяется, но почему происходит эта правильная повторяемость данного явления, этого с помощью одного метода простого массового наблюдения мы выяснить не можем. Для выяснения самих причин или условий правильной повторяемости тех или иных социальных явлений, мы вынуждены прибегать к другим методам, к методам аналитическим: к методу сопутствующих изменений, к методу различий, к методу остатков, правила применения которых даётся логикой.

Соединение статистического метода массового наблюдения с только что перечисленными аналитическими методами, применёнными к исследованию явлений общественной жизни, и даёт возможность выяснять, определять и устанавливать их действительное соотношение и таким образом определять условия и причины происхождения самых разнообразных и самых сложных общественных явлений и давать им чисто социологическое объяснение.

Применять аналитический метод сопутствующих изменений к исследованию сложных явлений социальной жизни, разумеется, необходимо с должной осторожностью. Выясняя взаимную связь и действительное соотношение явлений с помощью аналитического метода сопутствующих изменений, надо всегда помнить и никогда не забывать, что «вместе не значит потому что». При применении аналитического метода сопутствующих изменений никогда нельзя упускать из вида возможности сосуществования двух или нескольких

параллельных явлений, совершающихся одновременно и совершенно независимо друг от друга, одинаково обусловленных в своём происхождении какой-нибудь одной и той же третьей, общей причиной, или даже вовсе не находящихся ни в каком родственном отношении друг к другу. Одним из способов проверки правильного пользования методом сопутствующих изменений служит метод остатков, который дает возможность несколько упростить исследование сложных явлений общественной жизни, происхождение которых обусловлено одновременным действием нескольких причин. С помощью метода остатков мы можем при исследовании сложных явлений выделить действия всех тех причин или условий, последствия которых нам более или менее известны и, обособив последствия ещё неизвестной нам причины или условия, облегчить их открытие... Метод этот есть своего рода научный опыт, исходящий из известных более или менее вероятных предположений относительно действительного соотношения наблюдаемых явлений и их причин. Применяемый к выяснению явлений социальных, посредством сравнительно статистического метода, опыт этот носит характер статистического опыта, который заключается в особой системе статистического исследования массовых явлений общественной жизни посредством должной группировки однообразных фактов и выяснения действительного соотношения, устанавливаемого между целыми совокупностями фактов, сгруппированных на основании определённых сводных признаков и различающихся между собой лишь по тому признаку, выяснить влияние которого составляет задачу данного исследования.

С помощью подобного аналитического и статистико-социологического метода делается действительно возможным выяснять и устанавливать естественное и правильно повторяющееся соотношение самых различных явлений общественной жизни, обуславливающее её закономерность.

Статистико-социологический аналитический метод служит самым действительным средством устанавливать социологические законы, что и составляет конечную цель социологии как науки о закономерностях явлений общественной жизни.

Э. НОЭЛЬ МАССОВЫЕ ОПРОСЫ // Ноэль Э.⁴⁵ Массовые опросы. Введение в методику демоскопии. Изд. второе - М., 1993. - С. 17, 20-22; 24-34.

Социальную действительность нельзя познать с помощью одного только наблюдения. Необходимо вооружиться инструментами, которые усилили бы наши природные способности, как это было сделано при изучении природы. Одним из таких вспомогательных средств и являются опросы.

Разработка методики опросов началась с конца XVIII столетия и шла с трудом, преодолевая упорное сопротивление. Характерно, что, когда после 1945 года в Германии возобновилось проведение опросов, немецкая традиция их, создававшаяся на протяжении XIX и начала XX века, была почти забыта. Этот метод стали считать изобретением американцев...

Распространение статистики - можно ли считать людей?

Слово «статистика» появилось в XVII веке. Метод, состоящий в том, что изучаемая действительность выражается и описывается количественным отношением предметов или признаков, сознательно абстрагированных от индивидуальных различий, а из найденных количественных соотношений делаются выводы, имеет, по всей вероятности, свою предысторию, которая ненамного моложе, чем само использование чисел.

Применение статистического метода к людям, к группам населения до XIX столетия не имело широкого распространения. Этому не приходится удивляться, так как выдвигались даже требования запретить его.

В Ветхом завете есть указание на то, что применение статистики к людям следует считать опасным. За проведение по распоряжению царя Давида переписи бог покарал людей чумой, унесшей 70 000 жизней.

Количественное обобщение в основных понятиях, вероятно, всегда было привилегией бога или королей либо воспринималось как своего рода рискованное вмешательство в божественный порядок. В исламе и в первобытных религиях также имеются подобные свидетельства примерно следующего содержания: нельзя считать вместе верующих и неверующих, праведников и неправедных, счастливых и несчастных, потому что это может привести к неверию или навлечь беду.

Со времени упадка Римской империи до начала XVII столетия общие переписи населения почти не производились. Еще в 1753 году в Англии было отвергнуто предложение о проведении переписи, так как-де подобное мероприятие являлось греховным и подрывающим свободу личности.

Сфера множественного и моральная статистика

Первые сведения о явлениях, относящихся к сфере статистики или к сфере признаков, имеют примерно трехсотлетнюю давность. Речь идет об обнаружении странной регулярности, с какой из года в год происходит почти одинаковое количество смертей и о которой английский коммерсант Джон Граунт сообщил в своей работе «Observations on the Bills of Mortality», опубликованной в Лондоне в 1662 году. Впечатление странности возникает здесь уже в силу противоречия между не поддающимся предвидению фактом смерти и явной закономерностью количества смертей.

Высказанная Граунтом мысль получила развитие, хотя и не привлекла к себе особого внимания. Столетие спустя (1761) прусский армейский проповедник Зюссмильх использует, как и Граунт, но уже более широко, данные статистики населения. Наряду с количеством смертей, которые на этот раз подразделяются на виды, причем убийства, самоубийства и т. п. приводятся отдельно, указывается также число родившихся и количество бракосочетаний, а из выявленной странной закономерности делается вывод о «божественном порядке в изменениях человеческого рода».

Еще почти столетие спустя (1835), через 75 лет после выхода в свет труда Зюссмильха, бельгийский статистик Кетле выходит за пределы материалов статистики естественного движения населения и прослеживает такую же закономерность в кажущихся произвольными человеческих действиях, фиксируемых моральной статистикой¹: рождении внебрачных детей, преступлениях, самоубийствах и т. д. С этих пор самоубийства и их статистика остаются образцом, по которому снова и снова исследуется взаимоотношение между сферой личностного и сферой признаков.

В этом труде Кетле встречаются не только словообразования, исчерпывающе выражающие дух сферы множественного, как, например, меткое обозначение «средний человек»; прежде всего здесь есть резкое противопоставление концепции свободной воли человека, относящейся к сфере личностного, явлению статистической регулярности человеческих действий, свойственной сфере признаков.

Но Кетле уже не останавливается на указанном противопоставлении,⁴⁵ а воспринимает контраст как противоречие, из чего следует, что свободы воли, очевидно, не существует и что необходимо признать господство закона природы, стоящего выше свободы воли человека...

В период между 1860 и 1890 годами дискуссия между сторонниками моральной статистики и сторонниками свободы воли широко развернулась не только в Германии, но и в Англии.

Положения Кетле категорически отвергались многими современными ему авторами...

Появление опросов

Практически одновременно с дискуссией о моральной статистике, но безотносительно к ней наблюдался новый «взрыв» опросов населения, также основывавшихся на законе больших чисел. Попытка проведения таких опросов была предпринята в Англии в конце XVIII столетия, в начале XIX века был проведен первый опрос в Соединенных Штатах Америки, а с середины того же века были организованы первые опросы во Франции (1848), Германии (1848) и Бельгии (1868 - 1869). К концу этого столетия в Англии было уже проведено несколько крупных опросов, а в начале следующего (1906) в Лондоне профессор статистики Артур Л. Боули сделал доклад в Королевском статистическом обществе о методе составления репрезентативной выборки при опросах населения.

Столкновение с выборочным методом

До тех пор пока статистические данные были делом сугубо ведомственным, а сходные ряды чисел статистики самоубийств, преступлений, несчастных случаев, рождений, браков и т. д. публиковались только в ежегодниках и в специальной литературе, исследование взаимосвязей не получало развития. Даже наиболее образованным слоям, не говоря уже об остальном населении, связь между законом больших чисел и человеком не была ясна.

Это обнаружилось при вторичном сопоставлении, то есть при появлении выборочного и демоскопического методов, когда с применением статистики отпала необходимость в полных данных и официальной документации и когда повсеместное распространение получили выдержки и компиляции из сферы признаков.

Теперь речь шла не только о зловещем однообразии моральной статистики из пятилетия в пятилетие. Данное математиками объяснение этого явления постоянными причинами было принято, не встретив особых препятствий в понимании, поскольку и эта проблема, и связанная с ней идея предопределенности человеческих действий уже были предметом обсуждения. Теперь добавились два новых обстоятельства: во-первых, принцип репрезентативной выборки, согласно которому выводы, сделанные применительно к

небольшой части населения, распространяются на все население; во-вторых, существенное расширение исследуемых вопросов, выход за пределы более или менее очевидных фактов официальной статистики. При этом широкой публике представляется непостижимым, если не абсурдным, сходство данных, наблюдаемое независимо от того, были ли они получены от тысячи человек или от многих миллионов, то есть тот факт, что часть, крохотная доля может выступать от имени всех.

И снова (как и в случае с моральной статистикой) доказуемое положение в сфере статистики противоречило опыту в сфере индивидуального. Рядовой критик, по-видимому, рассуждает примерно так: меня самого не опрашивали, так что о моем мнении вообще ничего не известно. 99% населения, как и я, не были опрошены, так что и о мнении этой части населения тоже ничего сказать нельзя.

Свой опыт в сфере индивидуального он, как нечто само собой разумеющееся, переносит на сферу статистики. Согласно его опыту, никто не может знать его мнение, не опросив его самого или каким-нибудь другим путем не наведя справки о нем лично.

Несмотря на эту уверенность, объективные данные говорят о том, что возможны такие высказывания, которые включают и его мнение.

Иногда для облегчения понимания пытаются наглядно объяснить теорию выборки на конкретных объектах и примерах. Так, для того чтобы судить о качестве целой бутылки или бочки вина, достаточно сделать один глоток; торговец зерном для определения качества предлагаемой пшеницы берет лишь по одной горсти из разных мест и т. д. Однако при этом поставленная здесь проблема недооценивается.

Действенность принципа выборки по отношению к вещам (а также к растениям и животным) - черные и белые шары, орехи; мы называем только некоторые из наиболее часто используемых для демонстрации объектов - эмоционально не оспаривается. Недопустимым и невозможным считается перенос этого принципа на людей. Основную трудность, решающий момент здесь следует усматривать в оскорблении чувства собственного достоинства людей. С самим по себе противоречием между объективно доказуемым положением и субъективным опытом вполне можно было бы смириться. В самом деле, в многочисленных случаях обмана чувств человек охотно выслушивал доводы прогрессирующего естествознания, так что противоречие между действительностью и иллюзией воспринималось даже как нечто

привлекательное.

Однако положение в корне меняется, когда затрагиваются и подвергаются сомнению предпосылки, жизненно важные для человека. А ведь именно об этом идет речь при применении прежде всего моральной статистики, а затем выборочного метода; ибо, несмотря на логико-математическое объяснение, в данном случае создается полное впечатление утраты человеком свободы воли, а вместе с ней и чувства собственного достоинства...

Поверхностна ли статистика?

К изложенным причинам эмоциональной неприязни к демокопическому методу добавляется еще одна, вызывающая своего рода рассудочную неприязнь: результаты опросов - как и вообще данные в сфере множественного - характеризуются известной фрагментарностью.

Это объясняется сущностью метода, при котором глубоко изучить можно только немногих выбранных, от остальных же приходится абстрагироваться; такая фрагментарность не удовлетворяет умственную потребность в цельности, в полном понимании и полном охвате. Иногда ощущение фрагментарности приводит к мнению, что данные взяты только «с поверхности». Это, конечно же, заблуждение.

Неправильное понимание метода опросов и его результатов возникает из-за переноса представлений, мыслительных привычек, опыта и ожиданий, относящихся к сфере индивидуального, на статистическую сферу или сферу признаков, и наоборот - в результате объяснения явлений, свойственных сфере признаков, понятиями, взятыми из сферы индивидуального. Когда учитывают необходимость отделения одной сферы от другой, когда ожидания и приобретаемый опыт отвечают статистическому мышлению, когда создаются мыслительные привычки, методы и представления, соответствующие статистическому мышлению, недоразумения разъясняются...

Абстрагирование от личности

В какой бы области ни применялось исследование методом опросов - в экономике или, организации производства, социологии, психологии, публицистике, юриспруденции, медицине, - получаемые в итоге знания всегда обладают одним ⁴⁵ общим свойством: непривычно изменяется точка зрения, с которой рассматривается человек. Мы привыкли видеть в людях, с которыми мы встречаемся, контактируем, живем, единственных в своем

роде индивидов. Даже когда наше восприятие обобщает характерные черты в один тип, мы составляем себе единую картину, представляем себе человека целиком.

Однако, как только речь заходит о подсчете или классификации людей под определенным углом зрения - как это делает, например, статистика или бюрократия, - от рассмотрения человека в качестве индивида неизбежно приходится отказаться. Абстрагирование от личности является предварительным условием счета людей, управления ими, «введения их в бой» (например, во время военных действий). Выражение «Human Engineering» («человеческая инженерия»), введенное в американское словоупотребление и до сих пор - в отличие, например, от «Human relations» («человеческие отношения») - почти не используемое в Германии, в какой-то степени иллюстрирует такое отношение к человеку, которое вполне можно было бы назвать «бесчеловечным»...

Внутри групп, создаваемых по признакам, индивиды принципиально рассматриваются как равноценные, однородные, взаимозаменяемые и анонимные. Этот фактор предполагаемой, приписываемой идентичности является характерным; операционально ему соответствуют идентичные методы трактовки и идентичный образ действий. Можно предположить, что там, например, где раздают анкеты, выписывают пропуска, ставят печать, нужные задачи решаются методами, свойственными мышлению признаками, без учета индивидуальности, и люди попадают в поле зрения только как носители определенного признака. Сфера признаков - перспективная сфера для власть имущих, военачальников, бюрократии и социологов. Тот факт, что указанные виды деятельности вызывают к себе известную неприязнь, можно, пожалуй, объяснить издавна существующей тесной связью между мышлением признаками и властью. Человек, который хочет руководить и управлять массами, вынужден мыслить признаками и наоборот, мышление признаками содействует властвованию. В этом заключается еще один эффективный источник сопротивления исследованию посредством опросов: отвращение к манере смотреть на людей сквозь призму определенных признаков - это одновременно отвращение к предположительно стоящему за ней притязанию на власть.

Объект неприязни при таком образе мыслей выявляется еще яснее,⁴⁵ если учесть, что все формы «схватывания» большого числа людей и «манипулирования» ими чреваты жестокостью в отношении отдельного человека, даже когда речь идет в общем-то о благих

намерениях (например, о пенсионных реформах). Из такого мышления исходит призыв бюрократии к тому, чтобы быть «бессердечным», «бесчеловечным», «несправедливым» и вообще поступать вопреки здравому смыслу. С другой стороны, никакое управление, никакое исследование большого числа людей, никакой «порядок» без мышления категориями множества невозможны.

Перенос такого отношения, может быть и вполне обоснованного, на исследование путем опросов базируется на недоразумении. Поскольку социолог при опросах говорит на том же «языке», что и законодатель или администратор, опросы предстают как опасное притязание на власть. Демоскопия даже в какой-то степени ставится - без всякого на то основания - в один ряд с «мнениеобразующими» факторами. То, что исследование путем опросов имеет дело - чисто рецептивно - с людской массой, очевидно, эмоционально связывается с деятельностью демагогов, использующих способность толпы к проявлению импульсов и инстинктов.

Чтобы уметь доказывать, мы должны считать

Для более наглядного представления о мышлении признаками можно сравнить его с перспективой, предлагающей новые взгляды, открывающей новые возможности познания, новые подходы и одновременно приводящей к утере некоторых существующих взглядов. При сужении взгляда на переменную социальное исследование приобретает возможность считать и измерять. Это значит, что социологи, как и естествоиспытатели, могут при помощи статистических методов подвергнуть свои теории эмпирической проверке, могут с помощью статистического наблюдения делать открытия, проводить эксперименты, поддающиеся повторению и перепроверке, представлять доказательства и из поколения в поколение накапливать точные знания о людях, расширяя эти знания путем установлении взаимосвязей.

При таком своем функционировании общественная наука столь же мало бесчеловечна, как биология или медицина, которые, имея дело с людьми, стали гораздо раньше мыслить признаками. Перевод на перфокарту мнения того или иного человека еще и сегодня на многих производит тягостное впечатление, рентгеновский снимок - уже нет.

Высказывание обо всех не является высказыванием о каждом 45

Во введении к работе о методах мы постарались как можно яснее показать неприязнь к демоскопии. Ибо, если не принимать во внимание данное обстоятельство, трудно будет

понять эти во многом необычные методические принципы.

Описанная неприязнь основывается на неправильном понимании, на перенесении образа мыслей, представлений, опыта, шкалы ценностей из мира индивидуальных явлений в сферу статистики, определяемую только посредством признаков и переменных, на вводящих в заблуждение перенесениях, производимых и в обратном направлении. Методы исследования путем опросов остаются непонятными, если не тренироваться в этом изменении перспективы, если не научиться различать обе эти сферы. Статистическая сфера нуждается и в собственном языке - the language of variables (языке переменных), как его сформулировали американцы.

В сущности, нельзя сказать, что сопоставление обеих сфер нам так уж чуждо, ибо наш язык уже - как давно? - обладает необходимой различительной способностью для отличия высказываний о каждом от высказываний обо всех.

Моральная статистика и репрезентативные опросы могут давать достаточно достоверные сведения обо всех, о группе, о какой-то совокупности, но не о каждом отдельном человеке. Об отдельных людях они не позволяют судить, личности человека они не касаются, она не входит в сферу их рассмотрения.

Шаповал М.Ю. Соціологія українського відродження. – К.:Україна, 1994. – С. 39-43.

Закон суспільної структури

Перегляньмо побіжно українську конструктивно-суспільну працю.

Організація української школи як основної лабораторії вироблення національної і культурної свідомості, як головного робочого апарату українського відродження. Не мавши своєї школи до революції, ми повинні були українізувати існуючу російську школу. Насамперед, на 12,5 тисячі населених пунктів треба хоч би по 3 учительські сили, загалом 37,5 тисячі народних вчителів. Вони були, але хіба 1-2 тисячі з них – свідомі українці, більшість – несвідомі, частина ⁴⁵ москалів, ворожих ідеї українського суспільства, школи, культури. Вигнати всіх несвідомих і ворожих? Але нема ким їх замінити, бо українство не мало в запасі готових українських

вчителів. Отже, всіх залишити, заздалегідь знаючи, що ворожі і несвідомі елементи можуть вести тільки ту працю, яку вони вели – творили російську школу! Скільки не кричи про українізацію школи, а українізувати її цілком не можна, хоч би ніхто тому і не перешкодив. Друге зло: українство не мало українських книжок для навчання, читання, для розваги дітвори. Чи можлива школа без підручників? Модерна школа неможлива.

При такому становищі навіть українці-вчителі мусили б користуватися на початку російською книжкою.

Негайна українізація не могла вдатися, а українська школа тільки повільно, за десяток хіба років, могла б здихатися ворожих і несвідомих учительських сил, натворивши спершу заступників для них.

Українізувати середню школу? Це ще важче через багато причин. Середні школи переважно по містах. Передусім більшість населення міста неукраїнська і не хоче ніякої українізації, а меншість напівсвідома або несвідома українська, що залюбки користується російською школою. Хоч би вона і захотіла українізувати школу, то нема чим: не вистачає вчителів-українців, ще більше - підручників для наук, книжок для читання учням і вчителям зовсім нема. Нашвидку одкривано середні школи в сільських пунктах, але й там те саме: брак вчителів, підручників, книжок. Вища школа? Українізувати не можна тому, що весь культурний шар неукраїнський, вимагає збереження російських вищих шкіл незайманими, професура стає бойовим кадром проти українства. Відкриття паралельних українських вищих шкіл страшенно важке через ті самі причини: нестача професорів, брак наукової української літератури. Українство в сфері науки працювало передусім над мовою, історією, літературою, якими не вичерпується поле науки і в сотій степені.

Чому було так – ми вже бачили при огляді розвитку української ідеології. Уся справа з українізацією школи на Україні - це національна трагедія українського народу і прямий результат соціальної структури населення України.⁴⁵

Те саме з українізацією війська. Ми всі знаємо, що сирий селянсько-робітничий матеріал відчув інстинктивно потребу цього, але що вдіяти, коли

знайшовся на початку тільки один генерал, що прийняв українізацію, та й той був ... Скоропадський! Нижчого офіцерства знайшлося деяке число, один-два десятки штаб-офіцерів, але жодної військової школи, жодного військового підручника! Навіть той офіцерський елемент, що визнавав себе за український, не мав української культури, в більшості не знав української мови, був вихований не в українських традиціях. Українізація війська – це справа якогось десятка-двох років.

Не менша трагедія була з українізацією політичної і т. п. адміністрації. Щоб збудувати і утримати весь апарат політичної влади, треба на це було поставити найсвідомішу частину українства. Сил для того досвідчених не було. Ще с'як-так можна було поставити губернських і повітових комісарів-українців, але вони повинні були працювати в морі неукраїнського або несвідомого елемента. При цих умовах робити українську справу неукраїнськими руками було майже неможливо.

Українізація церкви – те саме. Немає досить українського духовенства, а те, що є, - його вистачило б хіба на українізацію одного повіту.

Таке становище в усіх галузях суспільного життя. Українізація всього побуту міського населення і всіх соціальних груп, окрім селянства, - така задача, яка може бути вирішена шляхом довгої, систематичної і спокійної праці, великої переробки культури значної частини населення України. Однак з об'єктивного становища українства в 1917 році виходять такі консеквенції.

Замість співробітництва з національними меншостями силою обставин виникала боротьба з ними. Для гармонійної добудови українського суспільства треба, щоб всі соціальні функції виконувалися переважно частинами українського народу: виробництво, обмін, адміністрація, культурна служба і т. д., але ці функції виконували досі неукраїнські соціальні групи, замінити їх українство не могло через брак сил; меншості ж працювали не для утворення українського суспільства, а для свого позаукраїнською суспільства, московського, органічною частиною якого вони були. Українство мусило скапітулювати перед національними меншостями фактично і згодитись, щоб українську справу вести і неукраїнськими⁴⁵ руками.

Українство відчувало цю трагедію і тому запопадливо працювало скрізь: одні й ті самі люди працювали в сфері політичній, культурній, адміністративній, в

кооперації, у видавництвах. У кожного громадського діяча було багато ампула, а зате мало спеціальності. Паралелізм праці виснажував українство. Замість поділу праці, єдиного здорового суспільного принципу, був брак його, тобто українство було замкнutoю у собі інтелігентською групою, в якій майже нема поділу праці!

Мільйони неукраїнців сиділи на своїх соціальних позиціях, робили своє давнє діло, змагались за свої позиції, куди вдирались один-два українці, які говорили від імені етнографічної більшості, але не могли нічого тут вдіяти і фактично тонули в морі неукраїнської стихії, яка заливала відважних аргонавтів українства своїми чорними хвилями.

Історія помстилась українському народу. Він поставив завдання створити свою державу, своє окреме суспільство, але він не мав сил для заступлення і ведення головних соціальних функцій. Принцип більшості не допоміг, і на українській землі панує тепер політично неукраїнська меншість: поляки в Галичині, москалі з євреями на Україні. Ця меншість справляється зі своїм завданням, а українська етнографічна більшість не справилась. Такий факт. Такий закон соціальної структури і поділу праці. Український народ занадто був слабкий, щоб обслужити суспільство: селянство несвідоме, а інтелігенція дуже мала і не має добрих суспільно-творчих кваліфікацій. Разом це стало причиною, котра унеможливила для цієї доби вирішення завдання українізації України. Українство поставило собі за мету відірвати Україну від московського «організму», але Україна сама ще не змогла перебороти неукраїнську частину суспільства.

Панування неукраїнської меншості пояснюється тим, що ця меншість соціально займає пануючу позицію і виконує керівну роль в суспільстві. Коли б ця меншість була українською, то українське суспільство було б фактом, якого перемогти не можна. У фіннів, поляків, чехів на цей час вже було повне суспільство, і тому вони вирішили своє завдання позитивно. Ми ще не дійшли до цього. Перед нами довгий час тяжкої праці і доцільної політики. Епоха революції нам не принесла визволення і не могла принести. Коли ми вірили і сподівались, що станеться чудо і що українське суспільство виникне по декрету – це наше нещастя, за яке український народ і інтелігенція заплатили дорогою ціною крові.

Ця ціна крові зобов'язує.

М. Грушевський Початки громадянства (генетична соціологія) / М. Грушевський. - Відень: Український соціологічний інститут, 1921. – С. 301-303.

Українські переживання

Зв'язки Генетичної соціології в українознавстві. Останнє наше слово має бути про пережитки примітивних соціальних форм в українському житті - переказані етнографічними і літературними пам'ятками, або викриті новітніші соціологічними дослідженнями, та - про проби їх роз'яснення з становища генетичної соціології. З огляду на рамці цієї праці це слово мусить бути дуже коротке.

В міру того як у наукових кругах здобували собі право горожанства ідеї пущені в оборот Бахофеном, Мак-Ленаном, Лебоком, Морганом, спопуляризовані в французькій літературі Жіро-Тельоном, в німецькій Енгельсом (сі дві популяризації вийшли того самого року, 1884), - наростало бажання освітити сими теоріями також і словянський матеріал, котрий західно-європейськими дослідниками лишався на боці. Хотілось, зовсім натурально, об'яснити ці пережитки, які заховались у різних словянських народів, в тім числі й українського, з загальної еволюції соціального життя і подружних відносин, і навзаєм - словенським матеріалом підкреслити загальну схему, дану згаданими дослідниками.

Талановитий київський економіст, приятель М. Драгоманова і С. Подолинського (які в своїх писаннях 1876 - 1880 рр. теж не раз входили в сю сферу) Микола Зібер здасться перший зайнявся українськими пережитками примітивного соціального устрою. В своїй розвідці про брацтва,^{*)} а потім в ширшій студії, про примітивний економічний колективизм, він вказав на аналогії наших брацтв і парубоцьких громад з поколінними організаціями різних народів і добачив в них „свого роду переживання молодшими поколіннями примітивних форм комунального^{**}) подружного союзу, вже залишеного старшими генераціями. Слідячи за розвитком форм примітивного господарства, він ⁴⁵заразом старався вияснити еволюцію, на економічній базі, форм соціального життя ^{***}). Це були дуже цінні для свого часу праці, і можна пожалувати, що їх автор більше не вертався до цих тем

спеціально - дуже рано взагалі скінчивши свого наукову і житєву путь (умер 1888 р.).

*) Еще о братствах!, „Слово" 1891, т. I.

**) Себто групового, по прийнятій пізнійше термінології.

***) Очерки первобитной зкононической культуры, 1883.

Але в сім часі стали підходити до порушених тем иньїхї дослідники. Молодий тоді український етнограф, харківський професор Микола Сумцов, в своїй розвідці про „Досвітки" заговорив про слїди сумїшки або „комунального шлюбу" в українських звичаях, і отсі українські досвітки і вечерніці толкував як форму „пробного шлюбу", - переходовий ступінь від комунізму і полігамії до моногамії.*) Польський фільольог Мик. Змігородский в статті- про становище матерів у арійських народів, випущеній в тій же 1886 році, старався дошукати ся в весільних українських звичаях пережитків „гетеризму і матриярхату".***) Максим Ковалевськпй, звісний історик права, тодішній московський професор, в своїм курсі „Первобїтное право" (II, 1886) поставив завданням звести словянський матеріал, який свідчить про те, що словянські племена переходили ті стадії розвою родинних відносин, яки вважалися ним зазагальну схему людського соціального розвою. Він притяг до сього й приступний йому український матеріал, і в пізнійших своїх студіях, випущених на ріжних європейських мовах,***) знайомив з ним західніх етнологів і соціологів, як з цікавими пережитками, що потверджують „теорію розвою шлюбу, вперше поставлену англійськими ученими".

Спеціально українським матеріалом зайняв ся молодий дослідник Микола Чернишов, киянин родом, що проходив університетську науку якийсь час в Швайцарії (на медичнім факультеті бернського університету, на початку 1880-х років). Він заінтересував ся соціолого-етнологічним дослідями і з поворотом на Україну став переводити їх на український матеріал.

В 1887 р. на сторінках Кїевскої Старини завилось кілька його статей, в котрих він відзивавсь на інтересні з погляду етнолога і соціолога літературні появи. Така була його рецензія на згадану працю Змігородского, де Чернишов, критикуючи його виводи, з свого боку констатував в українськїм весільнім рїтуалї слїди сумїшки (в

звичаю перекладання вінця молодої на голови дружок, і ин.). Далі - інтересна стаття про понеділкуванне, з нагоди звістки В. Василенка про форми сього звичаю в Переяславськім п., в м. Боришполі, де підчас сватання батько-матір молодої, запиваючи могорич і обявляючи сватам, що йде за донькою в придане, виговорюють їй право „понеділкувати“, себто не бути примушеною до ніякої роботи в понеділок. Понеділкують тільки заміжні жінки, і настоюють на захованню сього звичаю, посилаючись на те, що „бабки й матери понеділкували та й нам заказали“. Чернишов вказав аналогію „шлюбів на три чверти“, як їх назвав Лебок - звичаїв деяких арабських племен, у котрих при шлюбній умові чоловік, відповідно висоті викупу, який платить за жінку, дістає на неї право тільки на два, три, чотири дні на тиждень, і тільки в сих межах може вимагати від неї супружних обов'язків і вірності... . В українськім понеділкуванню початкова сексуальна, або як її називав Чернишов - „еротична“ сторина, по його гадці з часом вивітрилась, і зісталась тільки сторона економічна, трудова : свобода від примусу до праці.*)...

Е. Гідденс Соціологія / Пер. з англ. Наук. редактор перекладу О. Іващенко. – К., 1999. – С. 364-365.

У більшості з нас праця забирає більшу частину життя, ніж будь-яка інша діяльність. Часто ми асоціюємо поняття праці з нудними обов'язками – переліком завдань, котрі ми хотіли б звести до мінімуму або взагалі знехтувати. Можливо, приступивши до читання цього розділу, ви думаєте так само! Якщо до своєї праці так ставиться більшість людей, то чому? Спробуймо знайти відповідь на це питання.

Робота означає щось більше, ніж просто марудні обов'язки, інакше люди, втративши її, не почувалися б такими покинутими та розгубленими. Як би ви почувалися, знаючи, що ніколи не знайдете роботу? У сучасному суспільстві мати роботу означає зберегти самоповагу. Навіть там, де умови праці доволі неприємні, а поставлені завдання нудні, робота виявляється конструктивним елементом психологічного стану та щоденної діяльності людей. Доречно⁴⁵ навести кілька характеристик праці.

Гроші. Зарплатня є головним ресурсом, від якого залежать люди,

задовольняючи свої потреби. Без такого доходу стурбованість про завтрашній день, як правило, зростає.

Рівень активності. Робота часто уможливорює набуття і вдосконалення навичок та вмінь. Навіть рутинна праця створює структуроване середовище, в якому поглинається енергія особи. Без цього можливості вдосконалювати такі вміння та навички може й не бути.

Різноманітність. Праця уможливорює доступ до середовища, що контрастує з домашнім оточенням. У робочій атмосфері індивіди, виконуючи навіть доволі марудні обов'язки, можуть бути раді діяльності, відмінній від домашньої щоденної роботи.

Часова структура. Для людей, зайнятих на регулярній роботі, день переважно організований згідно з ритмом праці. Хоча іноді це може пригнічувати, але все-таки дає відчуття спрямованості в повсякденній діяльності. Непрацюючі особи часто називають своєю головною проблемою нудьгу і поступово втрачають відчуття часу...

Соціальні контакти. Трудове середовище часто породжує дружбу й можливість участі у спільній діяльності з іншими особами. Коло друзів та знайомих, при відриві від робочого оточення, найімовірніше, зменшуватиметься.

Персональна ідентичність. Праця переважно цінується за надання відчуття стабільної соціальної ідентичності. Зокрема, особливо для чоловіків самоповага часто пов'язана з економічним внеском до сімейного бюджету.

На фоні цього довжелезного списку неважко зрозуміти, чому втрата роботи може зашкодити впевненості людей у своїй соціальній значущості.

Визначення поняття «молодь».

Молодь – соціально-демографічна група, яка виділяється на основі сукупності вікових характеристик, особливостей соціального положення і ⁴⁵обумовлених тими чи іншими соціально-психологічними якостями.

I. Кон «Психологія юнацького віку: Проблеми формування особистості»

Молодь – класово-диференційована та соціально-демографічна група суспільства, яка охоплює молодих людей віком від 16 до 30 років, їх положення і роль в суспільстві, функції та види діяльності, а також ціннісні орієнтації, світогляд, і потреби і соціально-психологічні якості, обумовлені характером соціально-політичного устрою, суспільними відношеннями, історичною ситуацією.

С. Іконнікова «Молодь: Соціологічний та соціально-психологічний аналіз»

Формою інтеграції молодого покоління в суспільне життя є його самовизначення. Іншими словами, суспільство надає молодій людині можливість самій визначити своє життя і вирішити свої основні життєві проблеми. ..Свобода вибору життєвого шляху обмежується досягнутим рівнем суспільного розвитку. Тому, для нового покоління в цілому вона відносна, так як, займаючи місце попередніх поколінь, молодь включається в суспільні відношення через існуючі в суспільстві інститути і структури.

М.Тітма «Молоде покоління»

Розробили «теорію молодіжного руху», заклали концептуальне тлумачення молоді, як об'єкта і суб'єкта політики.

Загально-соціологічна теорія молоді. Молодь є соціальною групою культурного характеру; сутність і джерело особливостей молоді, як елемента соціальної структури - не в віці, характері даної групи, як соціалізаційної (одночасно об'єкта і суб'єкта соціалізації).

Теорія соціалізації молоді. Молодь як культурна група певного покоління має всі атрибути великих соціальних груп, але не має статусу, який характерний основним соціальним групам суспільства; її специфічність як соціальної групи - в соціальній неоднорідності, стадії підготовки, а значить неповній ⁴⁵готовності до суспільної практики, побутовій несаможиттєвості.

Теорія соціальної суб'єктності молоді. В центрі концепції лежить

проблема соціальних потреб молоді і суспільних умов їх реалізації, в рамках цього питання визначається і суть молодіжного руху, як виразника і представника потреб молоді, організатора її групової практики .

Теорія молодіжного руху. Молодь, яка розуміється як здатність до самореалізації в результаті власної активності (відомої, раціональної, самодіяльної); суб'єктність молоді вдвічі вторинна по відношенню до основних суб'єктів суспільного життя і по відношенню до політичного руху, перш за все до політичних партій цих класів.

М Карват, В. Мілянєвський

Динамічні суспільства, які прагнуть до нових стартових можливостей, незалежно від пануючих в них соціальної чи політичної філософії, опираються головним чином на співробітництво з молоддю. Вони організують і використовують свої життєві ресурси, порушуючи установлений хід соціального розвитку. Соціальне покоління може тільки передбачити характер майбутніх змін, творчу уяву цих поколінь можна використовувати для формування нової політики, а новим життям буде жити тільки молоде покоління. Воно буде впроваджувати в життя ті цінності, які старше покоління визначає лише теоретично.

Особлива функція молоді полягає в тому, що вона – «оживляючий посередник, свого роду резерв, який виступає на передній план», коли таке оживлення стає необхідним для пристосування до швидкозмінних чи якісно нових обставин.

Один із елементів поза духу авантюризму, яким молодь наділена в більшій мірі, являється той факт, що вона ще не повністю включена в status quo соціального порядку. Молодь ні прогресивна, ні консервативна за своєю природою, вона - потенція, яка готова до будь-якого початку.

На мові соціології бути молодим означає стояти на краю суспільства, бути в багатьох відношеннях аутсайдером.

Молодь - це та суспільна сила, яка може здійснити різні починання, тому що вона не сприймає установлений порядок як щось дане і не наділена закріпленими

законами та інтересами ні економічного, ні духовного характеру. Метою національної молодіжної політики повинно бути: сприяння впливу на всю систему освіти молоді та підготовки цілого покоління до виконання абсолютно нових завдань, тобто організувати всю молодь нації і направити її потенціальні можливості на вирішення проблем суспільства

К. Маннгейм «Діагноз нашого часу»

Молодь представляє собою перехідний етап від соціальної ролі дитини до соціальної ролі дорослого, із чого і витікає її «нормативна і несамостійність». Між мікрогрупою (сім'єю) і макрогрупою (суспільством) лежить велика відстань, яку і приходиться долати молодій людині. Подолання породжує почуття невпевненості в собі, конфлікти та інші проблеми молоді. Нейтралізм, скепсис у відношенні до ідеології, орієнтація на успіх характерні молоді всіх індустріальних країн.

Г. Шельські «Скептичне покоління»

Соціологія молоді повинна оновлювати теоретичні орієнтири... Соціологія повинна вивчати розходження між умовами, які надаються молоді суспільством, і викликами політичних, економічних і соціальних ситуацій. Молодь - з точки зору соціології - є не тільки соціальна спільність, але і стадія життєвого циклу. Проблеми цієї стадії змінюються на основі нових соціальних поєднань. Бажання свободи збільшується, але процес набуття освіти стає більш тривалим, разом з тим зберігається і залежність. Молодь (як поняття) вказує, з одного боку, фазу в індивідуальній біографії; з другого - частину суспільства, виділення якої залежить від декількох критеріїв віку.

Нижча межа молодіжного віку визначається в сучасних дослідженнях «календарно нечітко» - початком статевого дозрівання. Віднесення до молоді може виникати, коли ще відсутні біологічні передумови але воно базується на емпірично накопичених відносинах, гіпотетично виступаючих як важливі⁴⁵ диференційовані зміни, які визначаються, з одного боку приблизно окресленою різницею у віці, а з другого – ще не повними правами і недостатністю соціально-економічної позиції.

Така дефініція статусу молоді передбачає, що потрібно уточнити межу молоді «зверху», через виділення понять «молодий», «молодий дорослий»; «молодий дорослий» вже досяг певних соціальних позицій, які «молодому» ще недосяжні. Але і для «молодого дорослого» певні узаконені статуси не досить доступні чи не можуть в певній мірі бути реалізовані

Л. Розенмайр

Статус - Роль молоді – «це вираження певної конкретно-історичної позиції і соціальних відносин молоді, яке визначається її відношенням до класів і соціальних груп, позицій і відносин, які відносяться перш за все до ведучого способу діяльності молодих людей, й способу життя». Статус - Роль являє собою інтегральну модель молоді. Її перевага в тому, що «Статус - Роль виражає позицію і відношення одного соціально-історичного колективного суб'єкта (в нашому випадку - молоді) до інших суб'єктів і суспільства в цілому».

Позитивом концепції є чітке бачення специфіки молоді як особливої соціальної групи, яка наділена властивостями, що не зводяться до суми характеристик індивідів.

Ф. Манер «Введення в ювенологію»

«Молодь - це цінність особливого роду, це головна цінність суспільства, це поняття не тільки демографічне, але також економічне, соціальне, політичне. Такий підхід до оцінки молоді, ставка на молодь в сучасному, на майбутні покоління здатні породити політику суспільства і держави, яка працює на управління процесами, на випередження подій, на профілактику явищ, на прискорення розвитку взаємин політики уповільненої реакції на вже розвинені протиріччя і проблеми».

«Молодь - це об'єктивне суспільне явище, яке виступає завжди, як велика специфічна вікова підгрупа. Молодь-частина суспільства. Ключем для пізнання природи молоді є діалектика цілого і частини. Специфічні і обумовлені віком проблеми молоді».

«В будь-якому суспільстві молодь тісно пов'язана з ідеєю залежності.»

«В будь-якому суспільстві більша частина молоді ще не включена в процес виробництва і тому виключена із процесу розподілу продуктів цього виробництва, живе «в кредит»...»

«В будь-якому суспільстві більшість молодих людей не наділена особистою самостійністю в прийнятті рішень, які торкаються їх життя».

«В будь-якому суспільстві перед молодими людьми стоїть проблема вибору сфери трудової діяльності, вибору професії».

«У всіх суспільствах молоді люди вирішують проблему своїх життєвих планів, проблему морального і духовного самовизначення...»

«У всіх суспільствах молоді люди вирішують проблему вибору супутника життя, питання про те, скільки мати в сім'ї дітей».

«Молодь має подвійну природу, тобто виступає одночасно як психологічне і соціальне, що визначає зв'язок її психофізичного і соціального розвитку».

«Молодь - явище конкретно-історичне. Це означає, що кількість визначень молоді може бути стільки, скільки є конкретних суспільств, кожне із яких виводиться із загального визначення молоді і в той же час служить базою для конкретизації цього визначення».

«Молодь – це носій величезного інтелектуального потенціалу, особливих здібностей до творчості».

«Соціальний статус молоді у всіх конкретних суспільствах і у всі часи в головному однаковий: молодь одночасно об'єкт і суб'єкт соціалізації». «Молодь як поняття - це абстракція. Молодь як реальне явище - це частина населення, маса, сукупність індивідів... Молодь набуває суб'єктивності в міру самоідентифікації, самоусвідомлення своїх інтересів, зростання своєї організованості».

«З поняттям «молодь» сьогодні в прямому зв'язку знаходиться поняття «майбутнє».

Сміт Е. Національна ідентичність / Е. Смітт. – К. : Основа, 1994. – С. 17-24
ЕЛЕМЕНТИ «НАЦІОНАЛЬНОЇ» ІДЕНТИЧНОСТІ

Один вид колективної ідентичності, такий важливий і поширений сьогодні, майже не згаданий у Софоклових фіванських п'єсах. Хоч у їхній основі часом лежить конфлікт між містами, вони ніколи не порушують питання «національної» ідентичності. Едіпові ідентичності розмаїті, але статус «чужинця» (тобто негрека) не становить жодної з них. Колективні конфлікти — це здебільшого війни між грецькими містами-державами та їхніми володарями. Хіба це, фактично, не від стану Стародавньої Греції V ст. до н. е.?

Фрідріх Майнеке перший став розрізняти (1908 р.) *Kulturnation*, переважно пасивну культурну спільноту, і *Staatsnation*, активну, самовизначальну політичну націю. Можна не погоджуватись із його вживанням цих термінів, можна не визнавати й самих термінів, але саме розмежування слушне й доречне. З погляду політики в Стародавній Греції «нації» не було, існувала лише сукупність міст-¹⁸держав, і кожне ревно дбало про свій суверенітет. Зате з погляду культури існувала стародавня грецька спільнота – Еллада, - що її можна було ввести, як приміром, учинив Перікл, у царину політики — здебільшого задля афінських цілей. Іншими словами, можна вести мову про грецьку культурну та етнічну спільноту, та аж ніяк не про «націю» стародавніх греків ¹².

З цього випливає, що, хай там як, те, що ми розуміємо під «національною» ідентичністю, обіймає ще й певне чуття політичної спільноти, нехай навіть не дуже виразне. Своєю чергою політична спільнота означає принаймні якісь спільні інституції і єдиний кодекс прав та обов'язків для всіх членів спільноти. Вона потребує також визначеного соціального простору, добре демаркованої обмеженої території, з якою члени спільноти ототожнюють себе і до якої відчувають свою належність. Це майже те, що мали на увазі філософи, визначивши націю як спільноту людей, що коряться тим самим законам та інституціям у межах даної території ¹³.

Це, звичайно, специфічно західне уявлення про націю. Але саме західний досвід справив могутній, ба навіть головний вплив на наше уявлення про одиницю,

яку ми називаємо «нацією». Новий вид політичного об'єднання - раціональна держава - і новий вид спільноти - територіальна нація - виникли спершу на Заході в тісному зв'язку одна з одною. Вони наклали свій відбиток на всі наступні незахідні уявлення, навіть коли ті відхилялись від їхніх норм.

Варто докладніше придивитись до цієї західної, або «громадянської», моделі нації. Передусім це здебільшого просторове або територіальне уявлення. Згідно з цим поглядом, нації повинні володіти компактними, чітко визначеними територіями. Народ і територія мають, так би мовити, належати одне одному, як-от, приміром, давні голландці вважали, ніби їх породило відкрите море і вони виковують (у буквальному розумінні слова) землю, якою володіють і яку обернули на свою власність. Але земля, про яку йдеться, не може бути просто де-небудь, це не перший-ліпший клаптик суходолу. Вона є і повинна бути «історичною» землею, «рідним краєм», «колискою» нашого народу, навіть якщо й не землею первісного походження, як-от у випадку з турками. «Історична земля» — це така, де місцевість і народ чинили взаємний і сприятливий вплив упродовж низки поколінь. Рідний край стає скарбницею історичної пам'яті та асоціацій, місцем, де жили, працювали, молились і боролися «наші» мудреці, святі й герої. Все це робить рідний /19/край унікальним. Його річки, узбережжя, озера, гори й міста стають «священними» — місцями шаноби й захоплення, внутрішнє значення яких під силу збагнути тільки втаємниченим, тобто свідомим членам нації. Ресурси тієї землі теж стають винятковою власністю народу; «чужинці» не мають права використовувати та експлуатувати їх. Національна територія має стати самодостатньою. Автаркія — це не лише захист священного рідного краю, а й захист економічних інтересів ¹⁴.

Другим елементом є ідея patria, батьківщини, сукупності законів та інституцій з єдиною політичною волею. Вона потребує принаймні кількох спільних регулювальних інституцій, які виражатимуть спільні політичні почування та цілі. Часом батьківщина й справді виражена через високоцентралізовані та унітарні інституції й закони, як-от у постреволюційній Франції, хоча навіть там різні регіони зберігали свої локальні ідентичності аж до початку ХХ ст. З іншого боку, ми бачимо союзи окремих колоній, провінцій та міст-держав, чії федеральні інституції й

закони мають як боронити локальні та провінційні свободи, так і виражати спільну волю й спільні політичні почування. Добре удокументованими прикладами таких національних союзів є Сполучені Штати Америки та Сполучені Провінції Нідерландів. Адже первісною метою Утрехтської унії 1579 р. та нідерландських Генеральних штатів був здебільшого захист давніх свобод і привілеїв об'єднаних провінцій, так жорстоко споневажених унаслідок централізаційної політики Габсбургів за Карла V і Філіппа II. Проте жорстокість затяжної війни з Іспанією породила чуття спільної мети та ідентичності (цілком незалежно від впливу кальвіністів), що виявились у розвитку, хоч і незавершеному, голландської національної політичної спільноти ¹⁶.

Можна помітити, що разом із розвитком чуття правової та політичної спільноти з'являється й чуття юридичної рівності серед членів цієї спільноти. Її повним виявом є різноманітні різновиди «громадянства», визначені соціологами, зокрема громадянські та юридичні права, політичні права та обов'язки і соціоекономічні права. Згідно з західною концепцією, саме юридичні й політичні права становлять найсуттєвіший елемент західної моделі нації. З цього випливає мінімум взаємних прав та обов'язків членів нації і відповідне ненадання цих прав та обов'язків чужинцям. Випливає також і спільний кодекс законів, що стоять над місцевими законами, та інституції, що утверджують їх, суди останньої /20/ інстанції тощо. Не менш важливим є визнання, що в принципі всі члени нації юридично рівні, і навіть багатії й можновладці коряться законам батьківщини.

І, нарешті, юридична рівність членів політичної спільноти на їхній демаркованій батьківщині начебто вимагає і певної системи вартостей і традицій - спільних для всього населення або принаймні для його «серцевинної» спільноти. Іншими словами, нації повинні мати певну систему спільної культури та громадянської ідеології, низку спільних порозумінь і сподівань, почуттів та ідей, що пов'язують населення з його рідним краєм. Завдання створити спільну громадську, масову культуру було доручене інститутам народного згуртування, надто державній системі освіти й засобам масової інформації. Відповідно до західної моделі національної ідентичності, нації розглядають як культурні спільноти, члени яких

об'єднані, якщо не тісно згуртовані, спільною історичною пам'яттю, міфами, символами і традиціями. Навіть там, де держава дозволяє існувати новим іммігрантським спільнотам із властивою їм історичною культурою, минає кілька поколінь, перше ніж нащадків іммігрантів допустять (наскільки взагалі допускають) до кола «нації» та її історичної культури через національні інститути гуртування мас¹⁶.

Історична територія, політико-юридична спільнота, політико-юридична рівність членів, спільна громадянська культура та ідеологія - ось компоненти стандартної західної моделі нації. З огляду на вплив Заходу на сучасний світ вони зостаються суттєвими елементами, хоч і в трохи зміненій формі, багатьох незахідних концепцій національної ідентичності. Водночас за межами Заходу, зокрема в Східній Європі та в Азії, сформувалась інша модель нації. З погляду історії вона становила виклик перевазі західної моделі й додала чимало нових важливих елементів, більш відповідних зовсім іншим обставинам та шляхам розвитку незахідних спільнот.

Цю незахідну модель можна назвати «етнічною» концепцією нації. Її визначальною рисою є наголос на спільності походження й рідної культури. Тоді як західна концепція проголошує, що індивід має належати до певної нації, але може вибрати, до якої саме приєднуватись, незахідна, або етнічна, концепція не припускає такої широти поглядів. Чи то людина зоставатиметься у своїй спільноті, чи то емігрує до іншої, вона завжди неминуче й органічно залишатиметься членом спільноти, в якій народилась, і довіку нестиме на /21/ собі її печать. Одне слово, нація - це передусім спільнота людей, об'єднаних спільним походженням.

Етнічна модель теж має низку граней. Першу з них вочевидь становить наголос не так на території, як на походженні чи радше нібито походженні. Націю розглядають як якусь «надродину», що, аби обґрунтувати свої претензії, пишається родоводами та генеалогіями, часто вибудовуваними місцевими інтелектуалами, зокрема в східноєвропейських та середньосхідних країнах. Суть цієї концепції в тому, що нація може простежити своє коріння до якогось умовного спільного предка і через те її члени - це брати й сестри або принаймні родичі, що відрізняються від

решти людства своєю кривною спорідненістю.

Такий наголос на нібито родинних зв'язках допомагає пояснити сильний народний, або демотичний, елемент в етнічній концепції нації. «Народ», звісно, фігурує і в західній моделі, але тут його трактують як політичну спільноту, що підлягає одним законам та інституціям. В етнічній моделі народ, навіть коли його насправді й не мобілізували для політичних дій, усе-таки становить об'єкт націоналістичних сподівань і риторичний суд останньої інстанції. Проводирі можуть виправдати свої дії та об'єднати окремі групи і класи, тільки покликаючись на «волю народу», і через те етнічна концепція вочевидь стає більш «міжкласовою» та «популістською» за тоном, навіть коли інтелігенція не має великого наміру виводити маси на політичну арену. Отже, в етнічній концепції мобілізація народу відіграє важливу якщо не реальну, то моральну й риторичну роль¹⁷. Те місце, яке має закон у західній громадянській моделі, в етнічній моделі посідає народна культура, здебільшого мова та звичаї. Ось чому лексикографи, філологи та фольклористи відігравали центральну роль на ранніх етапах розвитку націоналізмів у Східній Європі та в Азії. Їхні лінгвістичні та етнографічні дослідження давньої і сучасної культури «простого народу» забезпечили матеріал для проектів створення «майбутньої нації», навіть коли відповідного мовного відродження не спостерігалось. Сприяючи широкому усвідомленню міфів, історії та мовних традицій спільноти, інтелігенти спромоглися заснувати і викристалізувати в головах більшості членів спільноти ідею етнічної нації, навіть коли, як-от в Ірландії і в Норвегії, давня мова занепала¹⁸.

Генеалогії і нібито спільне походження, мобілізація народу, рідна мова, звичаї і традиції - ось елементи/22/ альтернативної, етнічної концепції нації, концепції, яка відображує зовсім інший шлях «формування націй», пройдений багатьма спільнотами в Східній Європі і Азії, й становить сильний політичний виклик. Це, як ми побачимо далі, виклик, що й донині повторюється в багатьох місцях світу, відбиваючи глибокий дуалізм, який лежить в основі всякого націоналізму⁴⁵. Адже, по суті, кожен націоналізм містить громадянські та етнічні елементи в різних пропорціях і формах. Часом переважають громадянсько-територіальні елементи,

часом сильніше наголошують на етнічних та народнокультурних елементах. Наприклад, за якобінців французький націоналізм мав суто громадянсько-територіальну природу, він проголошував єдність республіканської patrie, вітчизни, і братерство її громадян у політико-юридичній спільноті. Водночас виник і мовний націоналізм, відбиваючи гордощі за чистоту та цивілізаційну місію панівної французької культури, проповідувану Барером та абатом Грегуаром. На початку XIX ст. французький культурний націоналізм став відображати більш етнічні концепції нації - чи то франкську, чи то галльську; згодом ці концепції стали своєрідними потверджувальними грамотами для радикально відмінних ідеалів Франції. Клерикально-монархічне право вкрай добре припасувалось до генеалогічних та народнокультурних концепцій «органічної» нації, що протиставлялися республіканській територіально-громадянській моделі, надто в часи справи Дрейфуса ¹⁹.

Проте навіть під час найзапекліших конфліктів, що віддзеркалювали боротьбу протилежних моделей нації, певні фундаментальні принципи пов'язували обидві партії, надаючи їм спільного націоналістичного забарвлення. В щойно згаданому прикладі з Францією і республіканці, і монархісти погоджувались з ідеєю «природної» та історичної території Франції (сукупно з Ельзасом). Так само й не було насправді ніяких суперечок щодо потреби прищеплювати національні ідеали та історію через масову державну систему освіти, незгоду породжував лише її зміст (надто католицький складник). Відданість французькій мові теж мала загальне визнання. Ніхто навіть не сумнівався в неповторності Франції та французів; розбіжності виникали лише з приводу історичного змісту тієї унікальності, а звідси й науки, яку слід переймати з минулого досвіду.

Тож можна виснувати, що за конкурентними моделями нації стоять певні спільні погляди на те, що, власне, становить націю, відрізняючи її від усіх інших видів колективної /23/ культурної ідентичності. Серед цих поглядів є й думка, що нації - це територіально обмежені сукупності людей, які повинні мати власні ⁴⁵ батьківщини; що їхнім членам притаманна спільна масова культура, спільні історичні міфи та історична пам'ять; що члени нації мають взаємні юридичні права

та обов'язки за умови існування єдиної правової системи; що саме нації властиві поділ праці й система виробництва, які дозволяють членам нації пересуватися в межах своєї території. Існують принципи та вимоги, спільні для всіх націоналістів, і з ними великою мірою погоджуються навіть їхні критики, що потім можуть оплакувати глобальний поділ людства, спричинений тими вимогами, і конфлікти, породжені існуванням таких націй.

Наявність тих спільних тверджень дозволяє нам сформулювати такі найголовніші риси національної ідентичності:

- 1) історична територія, або рідний край;
- 2) спільні міфи та історична пам'ять;
- 3) спільна масова, громадська культура;
- 4) єдині юридичні права та обов'язки для всіх членів;
- 5) спільна економіка з можливістю пересуватись у межах національної території.

Отже, націю можна визначити як *сукупність людей, що має власну назву, свою історичну територію, спільні міфи та історичну пам'ять, спільну масову, громадську культуру, спільну економіку і єдині юридичні права та обов'язки для всіх членів*²⁰.

Таке тимчасове робоче визначення розкриває всю складність абстрактної природи національної ідентичності. Нація, по суті, привласнює елементи інших видів колективної ідентичності, що зумовлює не лише спосіб, завдяки якому національна ідентичність може поєднуватись з тими іншими різновидами ідентичностей - класовою, релігійною, етнічною, - а й хамелеоноподібні перетворення націоналізму як ідеології на інші ідеології, як-от лібералізм, фашизм, комунізм. Національна ідентичність за самою своєю суттю багатовимірна, її ніколи не можна звести до єдиного елемента - на таке неспроможні навіть окремі націоналістичні фракції, - її не можна легко або швидко прищепити населенню з допомогою штучних засобів.

Таке визначення національної ідентичності, крім того, виразно відокремлює її від будь-якого уявлення про державу. Концепція держави пов'язана лише з

державними інституціями, відмінними й незалежними від решти суспільних інституцій; саме їм належить монополія на примус і стягування податків у межах даної території. Натомість нація означає культурні й політичні зв'язки, що об'єднують у єдину політичну спільноту всіх, хто має спільну історичну культуру та батьківщину. Щоправда, не можна заперечити певного взаємоперекривання обох концепцій з огляду на спільний для них зв'язок з історичною територією і (в демократичних державах) їхнє покликання на суверенітет народу. Та хоча сучасні держави мусять легітимуватись у національній і народній формі як держави окремих націй, їхній зміст і мета зовсім інші ²¹.

Брак відповідності між державою і нацією можна проілюструвати на прикладі «багатонаціональних» держав сьогодення. Адже за оцінкою Уокера Коннора, даною ще на початку 1970-х рр., лише близько 10% держав можуть претендувати на те, що вони таки справді «національні держави» - в тому розумінні, що державні кордони збігаються з межами нації і що все населення держави має спільну єдину етнічну культуру. Попри те, що чимало держав прагнуть стати національними державами в цьому розумінні, вони схильні обмежувати свої претензії на легітимність прагнення політичної єдності і суверенітетом народу, що їм навіть у давно сформованих західних державах загрожують кинути виклик етнічній спільноті в межах тих держав. Такі випадки, а їх немало, унаочнюють ту глибоку прірву, що існує між концепціями держави і нації, прірву, яку стисло характеризує розглянутий далі історичний матеріал ²².